

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

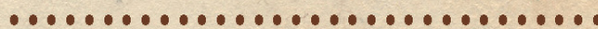

ФРЭНСИС

ДУНКАН

ТАКОЕ
ЗАПУТАННОЕ ДЕЛО

КОГДА КОНЕЦ БЛИЗОК

Золотой век английского детектива

Фрэнсис Дункан

**Такое запутанное дело.
Когда конец близок**

«Издательство АСТ»

1950, 1952

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Дункан Ф.

Такое запутанное дело. Когда конец близок / Ф. Дункан —
«Издательство АСТ», 1950, 1952 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-102234-1

Вся жизнь художника Адриана Картхэллоу была сплошной чередой скандалов – и даже смерть его оказалась скандальной. Адриана застрелили в упор, и его красавица жена Хелен – единственная, кто был с ним в момент трагедии в уединенном особняке на скале, – сама призналась в убийстве... Казалось бы, все ясно – типично богемная кровавая драма. Однако провинциального полицейского Пенросса, ведущего дело, что-то смущает. Что – он не понимает и сам, и тут на помощь приходит Мордекай Тремейн... Интереснейшая шахматная партия Мордекай Тремейна и инспектора Бойса прервана сообщением о таинственном убийстве, совершившемся в окрестностях курортного Бриджтона. В этом преступлении странно все: и то, что убитый – местный доктор – почему-то оказался в заброшенном старом доме, и то, что в его сумке был обнаружен револьвер. Возможно, у доктора были враги? Но кто и каков их мотив? В поисках ответов Тремейну и Бойсу предстоит вытряхнуть из шкафов городских обывателей немало скелетов...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102234-1

© Дункан Ф., 1950, 1952
© Издательство АСТ, 1950, 1952

Содержание

Такое запутанное дело	7
Часть I. Смерть художника	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	32
Часть II. Бал-маскарад	38
Глава 1	38
Глава 2	40
Глава 3	44
Глава 4	47
Глава 5	52
Глава 6	55
Глава 7	57
Глава 8	60
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Фрэнсис Дункан
Такое запутанное дело. Когда конец близок
Сборник

Francis Duncan
So Pretty A Problem
In At the Death

© Francis Duncan, 1950
© Francis Duncan, 1952
© Перевод. Т. А. Осина, 2017
© Перевод. В. И. Агаянц, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Такое запутанное дело

Часть I. Смерть художника

Глава 1

Резкий звук встревожил чаек. Птицы сорвались с места, закружились и пронзительно, испуганно закричали. Мордекай Тремейн открыл глаза, но увидел лишь испещренное черными точками желтое пространство. Он неохотно снял газету с лица, прищурился от яркого солнечного света и сонно посмотрел вокруг. Если никто не прятался за редкими, разбросанными вдоль кромки воды нагромождениями камней, то весь пляж по-прежнему принадлежал ему одному. На бесконечной песчаной полосе не было ни души. Тремейн не без труда повернулся в шезлонге и перевел взгляд туда, где неприступной стеной возвышались скалы. Никого. Пустынная тропинка взбиралась к окаймленному растрепанными пучками травы и огороженному перилами небу. Чуть правее находился мост. Снизу, издалека, металлическая конструкция напоминала ломкие паучьи лапы и вселяла страх. Казалось, первый же порыв морского ветра сорвет жалкое сооружение с опор и унесет в неведомое пространство. Мост тоже остался пустым.

Мордекай Тремейн укоризненно посмотрел на чаек. Минутная паника миновала. Теперь птицы мирно сидели на песке или грациозно скользили по воде, не подозревая, что своим скандальным гвалтом вырвали человека из уютной дремоты. Он снова закрыл лицо газетой и откинулся в шезлонге. Солнце мягко пригревало. Болтовня чаек и плеск волн слились в тихий убаюкивающий фон, лишь на несколько мгновений засоренный неясным жужжанием. Ничто не мешало вновь зависнуть в блаженном пространстве между сном и явью.

Взглянуть на часы не пришлось в голову – упущение, за которое Тремейн впоследствии сурово упрекал себя, – а потому не смог бы точно сказать, сколько времени прошло, прежде чем окликнувший голос проник в сознание и вернул к действительности. Женский голос – ровный и оттого еще более страшный: за неестественным спокойствием скрывалась с трудом сдерживаемая истерика. Он твердил:

– Пожалуйста. Идите быстрее. Пожалуйста. Я убила мужа.

За мгновение до того, как Мордекай Тремейн открыл глаза, сладкая летаргия исчезла, уступив место ледяному сознанию. Стало ясно, что за звук вспугнул чаек и помешал отдыху. Он посмотрел на Хелен Картхэллоу. Она убрала с глаз упавшую прядь и бесстрастно произнесла:

– Произошел несчастный случай. Мы просто шутили. Я подняла револьвер, прицелилась в Адриана и нажала на курок. Вдруг раздался выстрел. Я не знала, что это может случиться. Адриан утверждал, что револьвер не заряжен.

– Вы уже рассказали кому-нибудь о смерти супруга? – спросил Мордекай Тремейн.

Хелен покачала головой:

– Пока нет. Не знала, что делать. Мы находились в доме вдвоем. А потом вспомнила, что вы, наверное, все еще здесь, на пляже.

Мордекай Тремейн встал с шезлонга:

– Думаю, нам лучше поговорить на месте.

Они направились к скалам. Фантастический путь вел по глубокому песку к миру, внезапно утратившему связь с реальностью. Ласковое солнце и ровный плеск волн остались за спиной – в иной, невероятно далекой жизни. Мордекай Тремейн наблюдал за спутницей молча,

пристально, не упуская ни единого движения изящной фигуры. Ее облик мог без слов раскрыть секрет случившейся трагедии. Хелен быстро шла по пляжу, стараясь держаться чуть впереди и слегка отвернувшись, словно не желала встречаться с ним взглядом. Оставалось понять, была ли скованность естественной реакцией женщины, только что пережившей катастрофу и боявшейся проявить чувства, чтобы не сорваться, или же миссис Картхэллоу что-то скрывала, не желая выдать себя неосторожным словом.

Медленно поднимаясь по крутой узкой тропинке, Мордекай Тремейн размышлял о том, что никогда не понимал Хелен. Не знал, что она за человек. Не представлял, почему Хелен вышла замуж за Адриана Картхэллоу, и не подозревал, как Адриан относится к жене. Вскоре отдышка заставила вспомнить его о собственном возрасте. Да, он уже немолод. К тому же, заядлый курильщик. А с тех пор как оставил работу и начал жить на скромную пенсию, физические нагрузки свелись к редким подъемам на уступы скал.

Расстояние между пожилым джентльменом и молодой леди увеличивалось, и вскоре Хелен оказалась наверху несколькими секундами раньше. Торопливо осмотрелась и только после этого подняла темные, окаймленные длинными ресницами глаза. Упрямо спадавший на лоб непослушный локон скрыл выражение лица.

– Здесь никого нет, – проговорила она.

Преодолевая последний метр крутой тропинки, Мордекай Тремейн спросил себя, что означает это замечание. Продолжения не последовало, а прочитать что-либо по ее лицу не удалось. Хелен дождалась, пока он поднимется, и дальше они зашагали рядом вдоль тянувшейся к мосту укромной расселины.

Хелен Картхэллоу толкнула железную калитку. Мост завибрировал под весом двух ступивших на него людей. Мордекай Тремейн настороженно опустил голову: пляж с каменистой кромкой остался далеко внизу. Пospешно добравшись до противоположного конца, он вздохнул с облегчением. Мост всегда вызывал у него панический страх, хотя Тремейн, конечно, понимал, что винить следует не технические параметры сооружения, а собственное чересчур богатое воображение. И все же всякий раз казалось, будто зыбкая, похожая на призрачную паутину конструкция ведет в неведомое пространство, где происходят фантастические события, и может растаять, прежде чем удастся вернуться в привычный мир с устоявшимися законами и порядками.

Особняк «Парадиз» построил для жены некий миллионер. Что случилось впоследствии, точно никто не знал, однако ходили слухи о разбитом сердце. Через некоторое время молодую хозяйку нашли мертвой у подножия скалы, откуда она якобы бросилась, оставив отчаянную записку таинственного содержания. Миллионер запер дом и уехал, а вскоре, потеряв все свое состояние в обрушившемся континентальном правительстве финансовом крахе, принял смертельную дозу веронала. Долгие годы «Парадиз» стоял пустым и забытым. Зимой, когда холодный океан яростно бросался на скалы, дом тонул в густом тумане и мок под нескончаемым дождем. Летом солнце безжалостно иссушало одичавший сад, попутно сдирая краску с дверей, оконных рам и длинной деревянной веранды с видом на Атлантику.

«Парадиз» обладал недостатками. Возвышался на огромной скале, когда-то соединенной с материком, но теперь отрезанной от суши неширокой, но очень глубокой расщелиной, где во время прилива бушевало море. Путь на скалу лежал исключительно через мост – настолько узкий, что ни одна машина не могла по нему проехать. Репутация скалы заставляла путников обходить ее стороной. Местные жители утверждали, будто порой оттуда доносится плач несчастной, измученной, доведенной до гибели души. Однако заядлые скептики пожимали плечами и спрашивали, почему стоны слышны лишь в те минуты, когда ветер вздыхает над утесами и бормочет в подвижной конструкции моста?

Адриан Картхэллоу нашел особняк случайно во время автомобильной прогулки по Корнуоллу и купил за бесценок – как, собственно, и продавалась тогда подобная недвижимость.

Что бы ни говорили о Картхэллоу, одно обстоятельство никогда не вызывало сомнений: этот человек отличался творческим настроением и в полной мере обладал даром воображения. «Парадиз» привлек его романтической уединенностью. К тому же, словно паривший над океаном дом с богатой историей обещал неустанно ищущему признания и славы художнику репутацию загадочного мастера, чьи работы достойны внимания.

Пока Мордекай Тремейн шел вслед за вдовой Адриана Картхэллоу, напугавшей сколь откровенным, столь и зловещим признанием, память послушно преподносила ему яркие картины карьеры художника, начиная с первых шагов вплоть до скандальной славы последних лет. Да, слава действительно отличалась скандальностью. Адриан Картхэллоу не принадлежал к достойной когорте творцов, чьи произведения воспринимаются публикой спокойно, без разногласий, обид и конфликтов.

Вдалеке показалась дверь. В действительности скала была значительно просторнее, чем выглядела издали, и от моста к входу через искусно спланированный сад тянулась аккуратная дорожка. Деревья и кусты располагались таким образом, чтобы спрятать дом от посторонних глаз и защитить от ветров. Изгиб дорожки скрывал точку, связывавшую скалу с материком, и оттого возникало ощущение абсолютной изоляции. Мордекай Тремейн поднял голову, посмотрел в голубое небо и обнаружил, что кольцо высоких деревьев сомкнулось, отрезав пространство от остального мира.

Хелен Картхэллоу вошла в дом, направилась по узкому холлу мимо открытой двери гостиной и внезапно остановилась возле просторной комнаты с видом на океан. Здесь, перед окнами кабинета, деревья расступались, позволяя хозяину любоваться изменчивостью водной стихии. Мордекай Тремейн переступил порог и замер. В том, что Хелен только что овдовела, сомнений не возникло. Адриан Картхэллоу распластался на полу лицом вниз, и затылок его являл собой весьма неприглядное зрелище. Середину комнаты занимал письменный стол, а рядом валялся перевернутый стул. На краю стола лежал револьвер – тяжелый «уэбли» военного образца.

Мордекай Тремейн повернулся к стоявшей возле двери хозяйке:

– Это...

Она кивнула:

– Да. Я положила его сюда после... того, как все случилось.

Он осмотрелся. Если не считать опрокинутого стула и трупа на полу, в комнате сохранился полный порядок. Правая тумба стола состояла из трех ящиков. В среднем ящике торчал ключ – один из нескольких на кольце. Заранее зная ответ, Мордекай Тремейн уточнил:

– Оружие всегда хранилось здесь?

Алые губы, неестественно яркие на бледном лице, едва заметно шевельнулись и прошептали:

– Да.

– Необходимо срочно поставить в известность полицию, – предупредил Мордекай Тремейн и спокойно добавил: – Может, до того, как мы это сделаем, хотите мне что-нибудь сообщить?

В глазах Хелен мелькнул страх. Он успел заметить выражение прежде, чем она – разумеется, непроизвольно и вполне невинно – качнула головой. На лицо упал локон.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего такого. Где здесь телефон?

Хозяйка проводила его в холл. На столе лежал рекламный проспект, явно пришедший с дневной почтой. Мордекай Тремейн заметил, что конверт не вскрыт. Он знал, что телефон в доме есть. Хелен подвела Тремейна к шкафу и открыла дверцу. Номер местного полицейского участка искать не пришлось. Трубку снял сержант.

– Инспектор Пенросс на месте, сержант? Будьте добры, пригласите его к телефону.

Когда раздался энергичный голос Чарлза Пенросса, Мордекай Тремейн четко доложил: – Это Тремейн, инспектор. Я в «Парадизе». Мистер Картхэллоу мертв. Да, мертв. Застрелен. Миссис Картхэллоу стоит рядом со мной.

Несколько секунд он внимательно слушал, а потом внятно произнес:

– Да. Разумеется. Нет. Разумеется. – И положил трубку. – Инспектор выезжает немедленно, – сообщил Тремейн. – Просит оставаться на месте до его прибытия и ничего не трогать.

– Понимаю, – кивнула Хелен.

Голос ее дрожал, самообладание ослабло. Мордекай Тремейн осознал, что держится неприязненно, ощутил укол совести и постарался исправиться.

– Пока мы не можем ничего сделать, – пояснил он, стараясь говорить мягче. – Может, где-нибудь присядем и подождем инспектора? Понимаю, что вы пережили ужасный шок.

Хелен ухватила за слово с неожиданной, почти душераздирающей готовностью – словно маленькая девочка, отчаянно мечтающая о сочувствии.

– Да, это был страшный шок. Когда я увидела Адриана...

Она замолчала, отвернулась и двинулась через холл в гостиную. Мордекай Тремейн последовал за ней. Хелен опустилась в кресло, лицом к окну.

– Сигарета поможет, – произнес он.

Дрожащими пальцами она достала сигарету из предложенного им портсигара. Тремейн поднес спичку; она откинулась на спинку кресла, а он выбрал место чуть правее, чтобы наблюдать, не привлекая к себе внимания. Тремейн попытался привести в порядок мысли, надеясь найти причину недоверия, так упорно сверлившего его сознание.

Хелен курила короткими нервными затяжками, почти не вдыхая. Дым висел густым облаком и мешал рассмотреть выражение ее лица. Похожа ли она на женщину, только что случайно застрелившую собственного мужа? Мордекай Тремейн честно признал, что слабое знакомство с женами, убившими собственных мужей, не позволяет ему сформулировать определенное мнение. Интересно, как бы реагировал он сам, если бы был женщиной, совершившей столь порочное деяние? Скорее всего чувствовал бы себя ошеломленным и растерянным. Но в то же время он хотел бы с кем-нибудь поговорить, поделиться переживаниями. Стремился бы подробно рассказать обо всем, что случилось, снять с души тяжкий груз.

Но это не более чем предположение. К тому же, нельзя забывать, что каждый человек обладает определенной реакцией на события. Многое, несомненно, зависит от того, любила ли жена мужа. Женщины способны тайно радоваться избавлению от них.

Мордекай Тремейн знал, почему ее мысли потекли в столь сомнительном направлении. Лестер Имлисон. Точнее, Хелен Картхэллоу и Лестер Имлисон. Он приказал себе прервать бесплодные рассуждения. Необходимо оперировать фактами. Предвзятые версии способны смешиваться с реальными событиями и порождать ложные результаты. Внезапно из облака дыма донесся голос Хелен Картхэллоу:

– Простите, что втянула вас в эту историю.

– Искренне хотел бы помочь, – отозвался Мордекай Тремейн и поспешил воспользоваться неожиданно представившейся возможностью:

– Вы сразу спустились на пляж? Не подумали о телефоне?

Он ожидал замешательства, однако ответ последовал незамедлительно:

– Нет. О телефоне не вспомнила. Наверное, растерялась. Сразу захотела найти кого-нибудь, чтобы не оставаться одной. Потом решила, что вы еще на пляже. Заметила вас, когда проходила по мосту к дому.

Мордекай Тремейн кивнул. Продолжения не последовало. Он откинулся на спинку кресла и попытался представить реакцию Джонатана Бойса.

Джонатан Бойс служил в должности старшего инспектора Скотленд-Ярда. Сейчас он рыбачил где-то в голубых водах залива Фалпорт, не подозревая, что старый приятель Морде-

кай Тремейн умудрился снова впутаться в дело об убийстве. Когда оба стояли на вокзале Паддингтон, чтобы отправиться в Корнуолл, Бойс серьезно заметил:

– Не забудьте, Мордекай, что нас ждет самый настоящий постельный режим. В Фалпорте даже вам вряд ли удастся найти труп.

Тремейн неловко сменил позу. Трудно было отрицать редкую даже для пылкого любителя преступлений, неподражаемую способность постоянно оказываться в непосредственной близости от внезапной смерти совершенно чужих людей.

Размышления о том, что сказал бы Джонатан Бойс, помогли найти объяснение упорному молчанию Хелен Картхэллоу. Она знала, что репутация Мордекай Тремейна не соответствует ни его скромному облику, ни мягким манерам джентльмена, и попросту боялась его. Сделав подобный вывод, Тремейн чрезвычайно обрадовался скорому появлению инспектора Пенросса. Неприятно сознавать, что внушаешь женщине страх. Это допущение коробит чувствительную душу. Он услышал на дорожке четкие шаги и вышел навстречу. Инспектор возглавлял процессию, состоявшую из сержанта, констебля и невысокого человека с эспаньолкой и чемоданчиком в руке. Доктор Корбин выступал в качестве эксперта в области судебной медицины.

Инспектор взглянул вопросительно и произнес зычным, совершенно не подходящим к его фигуре голосом:

– Кажется, дело плохо, Мордекай. Но насколько плохо?

– Вам решать, – многозначительно ответил Тремейн. – Миссис Картхэллоу сидит в гостиной. – И добавил: – Может, сначала осмотрите кабинет мистера Картхэллоу? Он там.

Пенросс молча кивнул и вошел в дом. Он остановился у двери кабинета и взглянул на тучное тело хозяина:

– Скверно.

Пару мгновений постоял на пороге, осматривая комнату, а потом приблизился к убитому. Тремейн знал, что, несмотря на внешнюю беззаботность, Пенросс фотографически точно запоминает каждую, даже самую мелкую деталь.

Доктор Корбин все еще медлил в дверях, сохраняя выражение сдержанной профессиональной готовности. Вид человеческого черепа, безжалостно раздробленного пулей крупного калибра, вовсе не являлся для него новостью, однако данный конкретный череп принадлежал не какому-нибудь неизвестному объекту насилия, а знаменитому художнику Адриану Картхэллоу.

Наконец Пенросс распорядился:

– Сообщите ваше заключение, доктор. Вы, сержант, тоже останьтесь здесь. Хелси пойдет со мной.

Мордекай Тремейн больше не мог созерцать ужасную картину на полу кабинета. Желудок явственно подавал сигналы протеста. Он вошел в гостиную вслед за инспектором Пенроссом и констеблем и заметил, как повернулась в кресле Хелен Картхэллоу.

– Добрый день, инспектор, – спокойно промолвила она.

И все же в ее манере ощущалась напряженность, выдававшая нервное напряжение – впрочем, в данной ситуации вполне объяснимое.

– Боюсь, миссис Картхэллоу, процедура окажется весьма болезненной, – предупредил Пенросс, – однако необходимо соблюсти формальности. Я только что посетил кабинет вашего супруга. Может, сообразовите рассказать, как именно произошло несчастье?

– Особенно рассказывать нечего, – пожалла плечами Хелен. – Мы с Адрианом... дурачились. Шутили. Думаю, вам ясно, что я имею в виду. Потом Адриан сделал вид, будто испугался, отпер ящик стола, достал револьвер и сказал, что вынужден защищаться. Прицелился в меня. Я встревожилась, попросила его убрать оружие, чтобы оно не выстрелило, а он рассмеялся и ответил, что ничего не случится: револьвер не заряжен. И добавил...

Она замолчала и судорожно вцепилась в подлокотники кресла. Пенросс терпеливо ждал продолжения. Через пару мгновений Хелен произнесла:

– Вот, попробуй сама, предложил Адриан и... заставил меня взять револьвер. Наверное, я не смогла скрыть страха и отвращения, потому что он снова засмеялся и сказал что-то насчет Вильгельма Телля, который стрелой сбил яблоко с головы сына. А потом заметил, мол, если что-то пойдет не так, я стану богатой вдовой. Что произошло дальше, не помню. Скорее всего я направила на него револьвер и нажала на курок...

Хелен закрыла лицо ладонями, словно пытаясь спрятаться от воспоминаний. Худенькие плечи вздрогнули.

– Это было ужасно, – вздохнула она. – Что-то коротко вспыхнуло, хлопнуло, и Адриан упал. Голову и лицо залила кровь. Я не знала, что делать. Не сразу сообразила, что случилось. Вскоре я поняла, что убила мужа. Увидела, что он мертв. Сомнений не осталось. Я положила оружие на стол. Казалось, будто я сплю и вижу страшный сон. Руки и ноги не слушались. Однако надо было что-то сделать. Куда-то пойти, рассказать, попросить о помощи. Я вспомнила о мистере Тремейне. По дороге домой увидела его на пляже спящим, а потому решила, что он еще там. Позвонить в полицию мне даже в голову не пришло, хотя, конечно, сначала следовало связаться с вами. Я рассказала мистери Тремейну о несчастье, и мы вместе вернулись сюда. Он сразу сообщил вам.

Хелен замолчала, и Пенросс кивнул.

– Понимаю. Спасибо. – Лицо его оставалось непроницаемым. – Полагаю, кроме вас с мужем в доме никого не было? Никаких слуг?

– Нет. У нас работают повариха, горничная и садовник, исполняющий различные поручения. Обычно повариха и горничная ночуют здесь, но поскольку мы на пару дней уезжали, то отпустили обеих по домам с условием вернуться сегодня к обеду.

– Ах, да, – подхватил Пенросс. – Скачки в Уэйдстоу. Вы ездили именно туда?

– Да. Остановились в отеле «Полмуррион», – пояснила Хелен. – У мужа возникли кое-какие дела в городе, и он решил, что лучше остаться там, чем каждый вечер возвращаться сюда.

– Вы прибыли вместе сегодня днем?

– Сегодня днем, но не вместе. Адриан собирался приехать позднее. Сказал, что должен ненадолго задержаться ради какой-то встречи. Машина осталась у него, а я вернулась на поезде.

– Примерно во сколько?

– Выехала из Уэйдстоу в час десять. Значит, вышла из вагона в Фалпорте в двадцать минут второго: дорога занимает чуть больше часа. Взяла такси, так что здесь оказалась где-то между половиной третьего и без четверти три.

– А супруг?

– Муж был дома. Я очень удивилась, потому что ждала его позднее. Адриан объяснил, что деловая встреча в последний момент сорвалась, и он решил не терять времени и ехать домой. Разумеется, понимая, что я уже успела составить собственные планы.

– Мистер Картхэллоу знал, что вы вернетесь на поезде?

Хелен после едва заметной паузы ответила:

– Да, знал. У меня есть собственный автомобиль, но он остался дома, а в Уэйдстоу меня привез Адриан.

Пенросс сделал вид, будто обдумывает ее слова. Мордекай Тремейн уже имел возможность изучить его манеры, а потому понял, что инспектор искусно изображает простодушного полицейского, готового поверить любой выдумке человека среднего ума. Очень полезный профессиональный навык.

– Сколько времени прошло между вашим возвращением и несчастным случаем с револьвером? – наконец уточнил инспектор. – Хотя бы приблизительно?

Словосочетание «несчастный случай с револьвером» восхитило Мордекаю Тремейна.

Хелен Картхэллоу покачала головой и посмотрела на Пенросса с трогательной беспомощностью. Темные глаза, упавший на лоб своенравный локон – в этот момент она выглядела особенно милой и беззащитной. Обременять бедняжку незначительными подробностями было бы жестоко.

– Простите, инспектор, – промолвила она. – Можно только строить догадки. Я была слишком расстроена, чтобы смотреть на часы. Но ведь известно время моего возвращения – таксист подтвердит – и время звонка мистера Тремейна. Разве остальное так уж существенно?

– Да, вы правы, – согласился Пенросс и поднялся. – Сознаю, как вам сейчас тяжело, миссис Картхэллоу, и все же мои люди обязаны осмотреть дом. Таковы правила. Разумеется, они постараются работать быстро и незаметно. А мне придется изложить на бумаге все, что вы поведали, чтобы попросить вас прочесть свои показания и поставить подпись.

– Понимаю, – кивнула Хелен. – Смерть Адриана не была естественной. Вы обязаны представить отчет.

– Рад, что вы относитесь к делу именно так, – произнес Пенросс тоном человека, испытавшего облегчение. – Теперь задача выглядит менее тяжелой и неприятной. Вероятно, потребуются задать еще несколько вопросов, однако обещаю не задерживать вас дольше, чем необходимо.

Он направился к двери, но обернулся и добавил:

– Если позволите, попрошу доктора Корбина зайти сюда. Сейчас он в кабинете. Вы пережили шок, и мне будет спокойнее, если вас осмотрит специалист.

– Со мной все в порядке, инспектор, – возразила миссис Картхэллоу, однако Мордекай Тремейн заметил, как дрожат ее алые губы.

Пенросс вернулся в кабинет, и оттуда донесся его зычный голос. Вскоре в гостиной появился доктор Корбин. Тремейн поспешил выйти и закрыть за собой дверь. Через мгновение Пенросс возник на пороге кабинета.

– Кажется, вы все-таки снова это сделали, – произнес он негромко, но внятно.

Глава 2

Мордекай Тремейн с раздражением осознал, что не может скрыть смущения.

– Миссис Картхэллоу рассказала, что произошло, – недовольно возразил он. – Я находился на пляже. Она меня увидела и пришла, чтобы попросить о помощи.

– Вы должны были слышать выстрел! – заявил Пенросс.

– Слышал. Собственно, выстрел меня и разбудил. Только я не понял, в чем дело. Приподнялся в шезлонге, посмотрел вокруг, но не заметил ничего особенного, а потому снова лег и задремал. И вдруг услышал голос миссис Картхэллоу. Она сообщила, что убила мужа.

Лицо Мордекай Тремейна выражало глубокую досаду.

– Знаю, о чем вы сейчас спросите, – продолжил он, – но не смогу ответить. На часы не посмотрел и понятия не имею, сколько времени прошло между выстрелом и появлением на пляже миссис Картхэллоу.

Пенросс недовольно нахмурился, но ограничился коротким комментарием:

– Вам незачем было замечать время. Ведь вы не подозревали о происходящем.

Мордекай Тремейн ощутил себя чересчур умным школьником, публично унижившим учителя. Однако, судя по всему, инспектор не придавал его словам особого значения. Он посмотрел по сторонам, желая убедиться, что сержант и констебль находятся на почтительном расстоянии, и хриплым шепотом продолжил:

– С вами можно говорить откровеннее, чем с другими. Не для отчета, а по секрету: вы знали мистера и миссис Картхэллоу. Скажите честно: супруги производили впечатление людей, по-прежнему любящих друг друга?

– Ничуть не меньше, чем дюжины других семейных пар, которые мне доводилось встречать, – осторожно ответил Тремейн.

– Но первое романтическое цветение уже поблекло, не так ли?

Мордекай Тремейн поправил пенсне:

– Не исключено.

Даже его сентиментальная душа не смогла бы притвориться, что Адриана и Хелен Картхэллоу связывало безупречное взаимопонимание, порожденное счастливым браком. В любом случае, лицемерить не имело смысла, поскольку Пенросс все равно не поверил бы: ряд внешних свидетельств доказывал, что семейный союз не относился к числу благополучных.

Инспектор кивнул. Комментария не последовало, но в данном случае и не требовался.

Слушая рассказ Хелен Картхэллоу о смерти мужа, Мордекай Тремейн не мог отделаться от неприятных сомнений и сейчас понимал, о чем думает инспектор Пенросс. Картина счастливой, озорной, игривой пары совсем не походила на правду. Еще меньше верилось, что Адриан Картхэллоу мог – пусть даже в шутку – заставить жену прицелиться и нажать на курок.

Из всего этого вовсе не следовало, что Хелен Картхэллоу лгала. По опыту Тремейн знал, что порой самые фантастические истории на поверку оказываются истинными. Человеку ничего не стоит превратиться в заложника обстоятельств; иногда видимость вины бывает настолько убедительной, что непричастность выявляется только после тщательного расследования.

Дверь гостиной открылась, и вошел доктор Корбин.

– Вдова всеми силами старается сохранить самообладание, однако находится на грани срыва, – доложил он. – Вряд ли в данных обстоятельствах одиночество пойдет ей на пользу. Я убедил миссис Картхэллоу переночевать в доме миссис Ивленд. Это совсем близко. Как только закончите допрос, я сам отвезу ее туда – разумеется, если не возражаете.

Пенросс кивнул:

– Не возражаю, доктор, но лишь до тех пор, пока знаю, где она находится, чтобы завершить формальности. Надеюсь, миссис Картхэллоу понимает, что на время ей придется задержаться здесь.

Хелен Картхэллоу безропотно отдала собственную судьбу в руки инспектора полиции. Выглядела она бледной, измученной. Темные глаза смотрели напряженно, а кончик носа покраснел, как бывает от частого использования платка. Выдержка, с которой она рассказывала о недавнем трагическом событии, бесследно исчезла. Сейчас Хелен казалась слабой, одинокой и несчастной. Она ответила на все заданные вопросы, подтвердила точность регистрации после того, как Пенросс добросовестно прочитал показания, и согласилась подписать машинописную копию, как только та будет готова.

– Необходимо оставить в доме сотрудников полиции, – предупредил инспектор. – Если предпочитаете присутствовать лично...

Он оставил фразу незаконченной, и миссис Картхэллоу не упустила возможности высказать собственное мнение:

– Знаю, что могу полностью положиться на вас, инспектор. Когда вернутся слуги, отправьте их, пожалуйста, к миссис Ивленд, чтобы я решила, как действовать дальше.

– Не предполагаете вечером вернуться домой? – поинтересовался Пенросс.

Мордекай Тремейн заметил, как вздрогнула Хелен.

– Только в случае крайней необходимости, – тихо ответила она. – Не могу оставаться тут одна, по крайней мере, пока. Не сомневаюсь, что Хильда – миссис Ивленд – не прогонит меня и позволит переночевать.

Тремейн знал Хильду Ивленд. Полная жизнерадостная дама жила в собственном доме примерно в полумиле отсюда, на окраине Фалпорта. Она никогда не теряла хорошего распо-

ложения духа и неизменно встречалась с мистером и миссис Картхэллоу всякий раз, когда супруги навевались в «Парадиз».

Узкий мост не позволял подъехать к дому, и доктору Корбину пришлось оставить машину на материке. Инспектор Пенросс и Мордекай Тремейн стояли рядом, наблюдая, как доктор и Хелен идут по дорожке. Миссис Картхэллоу споткнулась, и Корбин предупредительно поддержал спутницу под локоток.

– Кроме как по мосту, сюда нельзя попасть? – уточнил Пенросс.

Тремейн покачал головой. Они повернули к дому.

– А забраться с пляжа?

– Вряд ли. Скалы практически отвесные.

– Когда вы пришли сюда вместе с миссис Картхэллоу, никого постороннего не заметили?

– Нет.

Пенросс нахмурился:

– Полагаю, придется еще раз тщательно осмотреть территорию.

Мордекай Тремейн в полной мере разделял тревогу инспектора. Он помнил, как, поднимаясь по тропинке вслед за Хелен, обратил внимание на странное поведение хозяйки: оказавшись наверху, та оглянулась, словно ожидала кого-то увидеть. Однако он промолчал, понимая, что на данном этапе дополнительное наблюдение лишь усложнит расследование.

Пенросс направился в кабинет, где по-прежнему оставалось тело Адриана Картхэллоу.

– Скоро из Уэйдстоу приедут фотографы и криминалисты. А пока давай посмотрим, нет ли здесь чего-нибудь важного.

Мордекай Тремейн двинулся следом за ним, стараясь ступать как можно деликатнее и ни к чему не прикасаться. В кресле, возле большого книжного шкафа, лежали солнцезащитные очки. Скорее всего, их небрежно бросил человек, вошедший в дом и хотевший взять с полки книгу. Проходя мимо, Пенросс задумчиво посмотрел на очки и вдруг опустил на колени.

– Ого! Что это?

Тремейн заглянул ему через плечо: между краем ковра и плинтусом лежал металлический предмет.

– Похоже на медицинский пинцет. Такими щипцами во время операций хирурги зажимают артерии. Кажется, данный тип носит название «Спенсер Уэллс».

– Странно видеть подобную вещь в доме художника, – покачал головой Пенросс и внимательно осмотрел пинцет. Кроме прилипших к зазубренным плоскостям нескольких крошечных частиц древесины на нем ничего не было.

– Во всяком случае, следы крови отсутствуют.

Они вышли из кабинета, и инспектор быстро обследовал дом – небольшой, но со вкусом обставленный тщательно подобранной дорогой мебелью.

– Целое состояние, – вздохнул Пенросс, открыв дверь в прекрасно оборудованную ванную комнату рядом с главной спальней. – Наверное, приятно уметь рисовать картины, которые приносят такое богатство.

Не обнаружив ничего подозрительного, они вернулись в холл. Инспектор заметил в конце коридора дверь:

– Не знаете, что там?

– Студия Картхэллоу, – ответил Тремейн. – Построена непосредственно под крышей, над спальнями, а лестница сбоку.

Ступеньки были неудобными: узкими и вдобавок закрученными тугим винтом. Пенросс медленно поднялся, распахнул дверь и вошел. С любопытством посмотрел по сторонам, удивляясь, что здесь, среди хаоса и нагромождения странных предметов рождались произведения искусства. Картхэллоу не заботился о порядке, и студия была завалена тюбиками с краской,

набросками, палитрами и множеством других вещей, необходимых в повседневной работе художника.

Пенросс подошел к стоявшему возле дальней стены большому мольберту, бегло взглянул на него и присвистнул:

– Посмотрите!

Мордекай Тремейн увидел картину, над которой Адриан Картхэллоу работал перед смертью. Полотно представляло собой нагромождение кричаще-ярких цветов. Краски – синяя, желтая, красная – занимали всю поверхность холста, покрывая с трудом различимый незаконченный портрет. Он поправил пенсне и произнес:

– Странно.

– Слово «странно», – сухо заметил Пенросс, – слабо отражает реальную ситуацию. Здесь изображена миссис Картхэллоу, не так ли? Можно лишь догадываться.

– Да. Я знал, что он писал портрет жены, но до сих пор ни разу не видел. Картхэллоу неохотно показывал незаконченные работы – не хотел раскрывать тайны творческого процесса.

– Понимаю.

Инспектор отреагировал уклончиво, и Тремейна подобный ответ не только не обрадовал, но и не удовлетворил.

Когда они спустились вниз, криминалисты и фотографы уже приехали и начали заносить оборудование в холл.

– Не хочу путаться под ногами, да и пора возвращаться домой, – сказал Мордекай Тремейн. – Я тут больше не нужен?

– Если потребуетесь, я знаю, где вас найти, – ответил Пенросс. – Разумеется, необходимо оформить официальные свидетельские показания. Может, зайду позднее, но не обещаю. Придется надолго здесь задержаться.

Мордекай Тремейн догадывался, что скрывается за неопределенной фразой. Инспектор Пенросс глубоко сомневался в правдивости истории, а потому, прежде чем подвести черту под отчетом о смерти Адриана Картхэллоу и закрыть дело, намеревался получить какие-то иные данные, помимо неподтвержденной версии Хелен.

Глава 3

Джонатан Бойс внимательно выслушал рассказ и, к огромному облегчению Мордекай Тремейна, воздержался от ироничных комментариев относительно его присутствия на месте преступления. Для опытного следователя Скотленд-Ярда, пусть и находившегося в отпуске по состоянию здоровья, труп неизменно представлял профессиональный интерес. К тому же Бойс был знаком с Адрианом Картхэллоу, прежде чем жизнь внезапно покинула его, а потому жаждал достоверной информации и не хотел тратить время на отвлекающие маневры, даже весьма соблазнительные.

– Чарлз не собирался навестить нас? – уточнил он.

– Когда я уходил, приехали фотографы и криминалисты. Скорее всего дело затянется.

Упоминание имени Пенросса – Чарлз – показалось Тремейну странным. Конечно, ничто не мешало Бойсу назвать коллегу именно так. И все же на службе, во время расследования, наделенный могучей силой закона инспектор уголовной полиции Пенросс мало чем напоминал Чарлза Пенросса, до заката сидевшего в соседнем шезлонге за приятной беседой.

Бойс и Пенросс дружили давно. Несколько лет назад старшая сестра офицера Скотленд-Ярда вместе с мужем обосновалась в Фалпорте, и Джонатан любил проводить летний отпуск в их уютном доме. Отсюда практически неизбежно следовало стремительное развитие приятельских отношений с Пенроссом.

Впервые они случайно встретились на рыбалке и выяснили, что занимаются общим делом. С тех пор профессиональные разговоры с Чарлзом Пенроссом стали для Джонатана Бойса дополнительным стимулом ежегодного посещения Корнуолла. Этим летом приглашение на отдых распространилось и на Мордекаю Тремейна. Бойс часто и подробно писал сестре об отставном торговце табаком, с энтузиазмом посвятившем себя раскрытию преступлений. К тому же мистер и миссис Тайнинг читали в газетах о детективе-любителе, а потому мечтали увидеть этого героя.

Дело в том, что недавно Мордекай Тремейн оказался в центре краткой, но бурной вспышки общественного интереса. Пишущая братия сочла чрезвычайно пикантным обстоятельство, что пожилой джентльмен скромной внешности, в опасно балансирующем на кончике носа пенсне, да еще и питающий слабость к литературному жанру, в котором романтические истории предстают в неподражаемо ярких красках, посвящает свободное время раскрытию убийств. Неравнодушные журналисты решили, что широкая публика имеет право знать о столь необычном человеке. Пристальное внимание к собственной персоне чрезвычайно смутило Мордекаю Тремейна. Скромный по природе, он с трудом справлялся с репутацией проницательного детектива, постоянно ощущая, что не оправдывает завышенных ожиданий соотечественников.

Подобная неуверенность в себе тревожила его и в этот роковой день, во время общения с Пенроссом. Почему-то казалось, будто инспектор разочарован и подозревает, что на самом деле колосс стоит на глиняных ногах.

Джонатан Бойс потер подбородок.

– Значит, Адриан Картхэллоу мертв, – тихо произнес он. – Что же, многие наконец-то вздохнут с облегчением.

– Имеете в виду его картины?

– Да, – кивнул Бойс. – Умный дьявол. Вот только слишком умный. Чем и нажил себе немало врагов. Полковник Нил – один из них.

Мордекай Тремейн понял, почему Бойс вспомнил полковника Нила. Дело в том, что в это самое время полковник Нил находился в Фалпорте. Приехал пару дней назад и во всеуслышанье заявил, что намерен преподать Адриану Картхэллоу то, что со всеми подобающими военному человеку эпитетами назвал заслуженным уроком.

Шум вокруг написанного несколько месяцев назад портрета Кристины Нил не утихал. С точки зрения профессионального мастера произведение следовало считать превосходным – одним из лучших, когда-либо созданных художником. Однако не оставалось сомнений, что картина представляла собой воплощение дьявольского начала, порожденного свойственным Картхэллоу искаженным чувством юмора. Странно, что Кристина Нил позволила выставить портрет на всеобщее обозрение. Конечно, если не была влюблена в автора и слишком поздно поняла, в каком образе тот явил ее городу и миру.

Адриан изобразил душу женщины. Впрочем, пожалуй, будет милосерднее сказать, что он изобразил душу женщины такой, какой видел ее в собственном воображении. Горячие, похотливые глаза, наделявшие и без того чувственный облик чертами откровенного распутства, привлекали к картине толпы зрителей. Газеты и журналы – причем не только художественные, но и популярные, что доказывало значимость творческого достижения, – бурно, а порой и воинственно обсуждали как сам портрет, так и правомерность его экспозиции. У знакомых с моделью зрителей не оставалось сомнений в точности воплощения образа. Черты Кристины Нил отличались жизненной достоверностью. Сходство достигало таких вершин мастерства, что казалось, будто сама героиня бесстыдно смотрит с полотна.

Дьявольское наваждение заключалось в том, что на первый взгляд портрет казался абсолютно естественным – как любое другое хорошо исполненное изображение красивой молодой

особы. И только в определенном ракурсе выступала откровенная, вызывающая чувственность модели.

Разразился громкий скандал, а вскоре Кристина Нил исчезла. Ходили слухи, будто отец отправил ее в Южную Африку, на просторах которой занимался сельским хозяйством старший брат. Разгневанный полковник бросился к адвокатам, желая немедленно отомстить обидчику в законном порядке, однако до суда дело так и не дошло. Наделенные жизненным опытом советчики довели до его оскорбленного сознания неприятный, но неоспоримый факт, что разбирательство лишь усугубит ситуацию, поскольку подбросит дров в огонь скандала. Вне всякого сомнения, Картхэллоу не только не упускал любой возможности снабдить газеты свежими сенсациями, но и располагал для этого богатыми ресурсами.

Кристина Нил отнюдь не скрывала страсти к художнику – напротив, демонстрировала пылкую привязанность с бездумной неосмотрительностью упрямой, избалованной молодой особы, слишком рано получившей доступ к большим деньгам. Картхэллоу с легкостью доказал бы присяжным, что изобразил на холсте правду и только правду, проявив виртуозное мастерство талантливого художника и точно передав характер модели.

Мордекай Тремейн нередко задавался вопросом: какое именно качество Адриана Картхэллоу неумолимо притягивало к нему женщин? Не одна Кристина Нил влюбилась в него без памяти, хотя проявила чувства более опрометчиво, чем другие поклонницы. Возможно, причина неотразимой привлекательности крылась в той презрительной фамильярности, с какой Адриан обращался с женщинами. Обладая сентиментальной натурой и регулярно читая журнал «Романтические истории», Мордекай Тремейн отказывался признать, что грубость мужчины способна породить обожание. Однако, размышляя о личностях подобных Картхэллоу, он всякий раз испытывал досадную неуверенность в справедливости собственной позиции.

Неожиданно Джонатан Бойс спросил:

– Картхэллоу не работал над портретом жены?

– Работал, – ответил Мордекай Тремейн и добавил: – Вот только кому-то это обстоятельство не понравилось.

– То есть?

– Даже если бы Картхэллоу остался в живых, закончить картину все равно не смог бы.

Кто-то намеренно испортил портрет, заляпав полотно толстым слоем краски.

Бойс поджал губы. Сейчас он выглядел встревоженным.

– А что сказала на сей счет миссис Картхэллоу?

– Ничего. Во всяком случае, пока. Пенросс обнаружил акт вандализма уже после того, как она уехала к миссис Ивленд.

– Кто-нибудь видел портрет до того, как его испортили?

– Наверное, миссис Картхэллоу видела, а кто-то другой вряд ли. Картхэллоу не любил показывать незавершенные работы.

– Значит, неизвестно... – пробормотал Бойс.

– Вот именно. Неизвестно, готовил ли художник очередной скандал в духе Кристины Нил, избрав в качестве легкой жертвы жену.

– Вряд ли, – усомнился Бойс. – Неужели он намеревался опозорить Хелен в глазах света?

Мордекай Тремейн ощутил неловкость. Едва увидев безжизненное тело Адриана Картхэллоу, он почувствовал, как его сентиментальная душа стремится вступить в непримиримую полемику с холодным пронизательным рассудком, пытающимся найти логичное объяснение всему на свете – даже трагедии.

– Вполне вероятно, особенно если учесть события последнего времени. Несмотря на агрессивное внимание женщин, романов на стороне художник не заводил. Не исключено, что он любил жену. А портрет мог служить мстостью за Имлисона.

– У меня сложилось впечатление, что Картхэллоу не возражал против близкого присутствия Имлисона, – произнес инспектор.

– Да, он редко демонстрировал недовольство, – согласился Тремейн. – И все же, кто способен судить об истинном отношении? Хотя портрет вполне мог служить искренним свидетельством восхищения, и автор решил уничтожить его собственными руками после того, как узнал нечто неприятное.

Бойс нахмурился:

– Вернемся к версии миссис Картхэллоу. Предположим, что рассказ правдив и муж действительно сам дал ей в руки револьвер. Вероятно, знал, что оружие заряжено, и намеренно спровоцировал выстрел. Хотел, чтобы Хелен убила его.

– Иными словами, Картхэллоу мог узнать, что отношения между женой и Имлисоном зашли значительно дальше, чем он предполагал? И вместо того, чтобы пойти избитым путем и сначала застрелить ее, а потом застрелиться самому, срежиссировал собственное убийство? – Мордекай Тремейн покачал головой. – На редкость неуклюжий способ свести счеты с жизнью. В любом случае, не представляю, что Адриан Картхэллоу решил покончить с собой.

– Если только он не попал в безвыходное положение, о котором нам не известно, – возразил Джонатан Бойс и улыбнулся. – Однако здесь я ступаю на зыбкую почву, Мордекай! А ведь сколько раз твердил себе, что полицейский не имеет права строить версии из воздуха. Наверное, просто расслабился в отпуске, да и решать хитрую задачку придется не мне, а коллеге Пенроссу!

Засунув руки в карманы, с пустой трубкой во рту, старший инспектор Скотленд-Ярда неотрывно смотрел на море.

– Бедный старина Чарлз! Такая привлекательная женщина. Лично я испытал симпатию... и жалость. Порой работа детектива чертовски неприятна.

Мордекай Тремейн взглянул на друга с удивлением. Джонатан Бойс никогда не давал воли чувствам. Судя по всему, Хелен Картхэллоу невольно задела некие струны, старательно скрытые под бесстрастным обликом офицера полиции. Вспомнилось собственное впечатление, пусть и значительно менее определенное. Тремейну никак не удавалось найти однозначный ответ на несколько важных вопросов. Была ли Хелен Картхэллоу несчастной жертвой обстоятельств или, отличаясь редким бессердечием, бесстыдно обманывала мужа, а потому не стоила даже скромной доли сочувствия? Служило ли перегруженное косметикой лицо маской, под прикрытием которой одинокое несчастное существо выходило в мир, притворяясь, будто в отношениях с мужем все в порядке, или же алые губы и ярко накрашенные ногти выдавали истинную природу пустой, хотя и привлекательной особы?

Естественно, что смерть Адриана Картхэллоу стала главной темой разговоров за обеденным столом.

– Скорее всего завтра же в наши края слетятся стаи репортеров, – заметил Артур Тайнинг. – Фалпорт превратится в главную точку на карте королевства. Представляю заголовки: «Конец знаменитого художника». «Убийство в кабинете». «Смерть от руки жены, или Потерянный рай».

Кейт взглянула на него укоризненно. Она не всегда одобряла грубоватое чувство юмора мужа.

– Бедная миссис Картхэллоу! Тяжело отвечать на вопросы полиции. К тому же, обрушилась скандальная известность! Мало того, что муж трагически погиб, так еще придется терпеть всю эту суету.

– Полагаю, дорогая, – отозвался Артур Тайнинг, – твое сочувствие свидетельствует о том, что если вдруг придется ненароком застрелить меня, то, по крайней мере, можно надеяться на соответствующее случаю раскаяние!

– Не надо так шутить, Артур. Бедняжка, наверное, ужасно страдает.

– Прости, Кейт, – промолвил мистер Тайнинг. – Но не могу лить крокодильи слезы. Полагаю, произошло долгожданное избавление.

Мордекай Тремейн обратил внимание, что ни один из супругов не высказал даже тени подозрения в адрес Хелен и не произнес ни единого осуждающего слова. Лишь скептически настроенные полицейские, по долгу службы не имеющие права принимать сказанное за чистую монету, усомнились в правдивости истории.

Важным показалось и то обстоятельство, что Джонатан Бойс назвал Пенросса «беднягой», а Кейт Тайнинг выразила сочувствие «бедной миссис Картхэллоу», однако никто не проявил ни малейшей симпатии к убитому. Судя по всему, Адриану Картхэллоу предстояло отойти в мир иной без сожалений окружающих.

Во время беседы за чашкой кофе Тремейн выкурил обычную послеобеденную трубку и неожиданно заявил:

– Пожалуй, прогуляюсь до дома миссис Ивленд. Возможно, смогу сделать что-нибудь полезное.

На лицах гостеприимных хозяев отразился сдержанный энтузиазм: так школьники скрывают любопытство, опасаясь, что их не пригласят участвовать в интересной игре. Джонатан Бойс одобрил его намерение:

– Отличная идея, Мордекай. Чарлз слишком занят и вряд ли сообщит нам какие-нибудь новости.

Мордекай Тремейн машинально поправил пенсне и сдержанно уточнил:

– В конце концов, Джонатан, я уже побывал на месте преступления. Миссис Картхэллоу может потребоваться моя помощь.

Глава 4

Однако, шагая по скалам к дому Хильды Ивленд, он ясно сознавал, что идет туда вовсе не потому, что верит в собственную способность помочь Хелен Картхэллоу. Дело в том, что правдивую историю только предстояло узнать, а тайна притягивала с непреодолимой силой. К тому же, если говорить честно, Хелен Картхэллоу всегда рождала в его поэтической душе восхищение. Мордекай Тремейн оставался холостяком вовсе не оттого, что не ценил женского очарования. Грация стройной фигуры, быстрые изящные движения, поворот головы, миловидность тонких черт лица – детского, несмотря на яркие губы и густой слой туши на ресницах – все это будило скрытую от посторонних глаз сентиментальность преданного читателя «Романтических историй».

Мордекай Тремейн простодушно верил, что все привлекательные молодые женщины должны любить и быть любимыми, но в то же время не считал, что отношения Хелен Картхэллоу с мужем сложились так идеально, как должны бы были сложиться. А потому искренне жалел ее и хотел оказать посильную помощь. Что, разумеется, доказывало его наивность в подобных вопросах.

Весть о существовании Лестера Имлисона вызвала тревогу. Отношение Тремейна к браку оставалось безнадежно старомодным – чего и следовало ожидать от скромного пожилого холостяка, – а потому обращение Хелен за утешением к любовнику повергло его в шок.

Более того, оправиться от шока не удалось до сих пор. В сознании осталось некое смутное предубеждение. Мордекай Тремейн объективно оценивал собственные недостатки и понимал, что все еще рассматривает миссис Картхэллоу в слегка искаженном ракурсе.

Ходьба всегда доставляла ему удовольствие. Фалпорт приютился на краю живописной бухты, в суровом величии раскинувшейся от городка до белого маяка, охранявшего скалы противоположного берега. Дорога к дому Хильды Ивленд позволяла любоваться впечатляющим

морским пейзажем: голубые волны равномерно накатывали на скалы, разбивались и рассыпались фонтанами мелких серебристых брызг.

Мордекай Тремейн никогда не уставал от этой картины. Впрочем, ровный золотистый песок, открытый во время отлива, привлекал его не меньше, чем белоснежные конские гривы на фоне серых камней в период прилива. Вдоль бухты целостность берега нарушалась сотнями пещер – от небольших, недавно выбитых волнами углублений, до обширных, тянувшихся в недра скалы древних тоннелей, где море ревело, создавая симфонию неустойчивой стихии. Живое воображение населяло пещеры отважными корнуоллскими контрабандистами, торговавшими шелком и ромом, хотя сейчас, конечно, самые доступные и безопасные убежища служили излюбленным местом детских игр. Настали спокойные, благоразумные времена.

Но так ли это?

А если мир не претерпел коренных изменений, хотя контрабандисты уже не сражались на пляжах с акцизными чиновниками? Мордекай Тремейн смотрел на свободно расставленные дома, пунктиром подводившие к изолированному мысу, где одиноко возвышался «Парадиз». Пейзаж представлялся вполне невинным, но как знать? Лишь сосредоточив внимание на отдельном участке, можно понять, сколько странных событий происходит на глазах ничего не подозревающих соседей.

В этот момент на тропинке показалась фигура. Высокий человек шел навстречу, глубоко засунув руки в карманы. Лестер Имлисон. Обычно его добродушное лицо сейчас было суровым и замкнутым. Имлисон смотрел под ноги, не замечая ничего вокруг.

– Добрый вечер! – любезно произнес Тремейн.

Имлисон резко поднял голову, словно внезапно вернулся к реальности.

– О... приветствую, – отозвался он хмуро. – Простите, чуть не прошел мимо.

– Я сразу понял, что вы глубоко задумались, – многозначительно продолжил Тремейн.

Имлисон вспыхнул:

– Не обязан объясняться!

– Разумеется, – мягко согласился Тремейн и после паузы добавил: – Иду навестить миссис Картхэллоу. Может, сумею чем-нибудь помочь ей.

Имлисон неожиданно шагнул навстречу, вытащил руки из карманов и схватил его за плечи:

– Да, сумеете помочь! Если попытаетесь убедить своего твердолобого друга-инспектора, что Картхэллоу погиб случайно. Если заставите его перестать мучить Хелен и вести себя так, словно он подозревает великую тайну.

– Не слишком ли вы драматизируете? – спросил Мордекай Тремейн.

– Слишком? Как раз возвращаюсь оттуда. Мучительный допрос продолжался так долго, что она уже не знает, что делает и о чем говорит. Разве Пенросс не в состоянии отличить правду от лжи?

В его словах прозвучали странные, с трудом определимые ноты. Что это – страх, истерика или нервное напряжение, тревога за Хелен Картхэллоу? Лестер Имлисон всегда казался спокойным, выдержанным, уверенным в себе молодым человеком, способным противостоять обстоятельствам.

– Инспектор Пенросс исполняет служебный долг, – заметил Мордекай Тремейн. – В данной ситуации миссис Картхэллоу обязана отвечать на вопросы и давать показания. Не сомневаюсь, что она это осознает. Закон не принимает во внимание свойства личности и особенности характера. Полицейским предписано строго следовать инструкциям.

Лестер Имлисон немного успокоился. Глаза утратили дикое выражение.

– Простите, – промолвил он. – Похоже, я наговорил лишнего. Просто очень устал и расстроился. Чертовски печальное происшествие.

Они расстались, и Мордекай Тремейн продолжил свой путь. События получили непредвиденное развитие. В сложившейся ситуации было бы логично предположить, что Лестер Имлисон с радостью воспримет смерть Адриана Картхэллоу, поскольку устранение соперника развяжет ему руки. Разумеется, не стоило ожидать явного ликования и откровенных рассказов о собственном счастье. Однако видеть молодого человека в состоянии, близком к отчаянию, было странно.

Если только...

Если только в действительности он не питал к Хелен Картхэллоу глубоких чувств. Если всего лишь забавлялся, и вот теперь, когда супруг так неосмотрительно организовал собственную гибель, неожиданно оказался в ловушке. Мордекаю Тремейну догадка не понравилась. Чем дольше он обдумывал версию, тем заметнее мрачнел. К счастью, вскоре показался дом Хильды Ивленд и избавил его от неприятных мыслей.

Людей здесь собралось много. Одни уходили, другие появлялись, и определить, кто именно присутствует, никак не удавалось. Одно не вызывало сомнений: новость стремительно распространилась по округе, и к дому потянулись не только искренне сочувствующие, но и любопытные.

Хильда Ивленд встретила очередного гостя улыбкой, от которой ее пухлое лицо покрылось симпатичными морщинками.

– Вот наконец и вы, Мордекай! Мы как раз гадали, скоро ли вы появитесь!

Между ними уже завязались фамильярно-дружеские отношения. Тремейн подозревал Хильду в стремлении к покровительству. Судя по всему, ей казалось, будто одинокому джентльмену не хватает заботы и внимания.

– Ваш друг Пенросс только что ушел, – сообщила миссис Ивленд. – Очень долго беседовал с Хелен.

– Как она... – начал Тремейн, однако хозяйка не дала закончить вопрос, перехватив инициативу:

– Как она держится? Не волнуйтесь, Мордекай. Хелен гораздо сильнее, чем кажется.

– Рад слышать. В конце концов, трудно предположить, как скажется на ней шок.

Хильда Ивленд смерила его проницательным взглядом:

– Поначалу, когда Хелен только приехала, ее состояние вызывало тревогу. Хорошо, что доктор Корбин привез Хелен сюда. Если бы она осталась одна на своей скале, могло случиться что угодно.

Мордекай Тремейн понял, о чем речь: стоило Хелен появиться, и Хильда Ивленд мгновенно взяла подругу в оборот, не позволяя ей задуматься ни на минуту. Со свойственной энергией заставила отвлечься от трагедии, пусть даже на короткое время.

– По пути к вам я встретил мистера Имлисона, – произнес Тремейн. – Судя по его словам, миссис Картхэллоу тяжело переносит несчастье. Лестер считает, что полиция чрезмерно беспокоит ее.

– Правда?

Манера Хильды Ивленд едва заметно изменилась, а тон стал более сдержанным, осторожным:

– Он недолго здесь пробыл. Честно говоря, я удивлена, что он не пришел раньше. Ввиду... всего, что произошло.

Прозвучавший в голосе холод не удивил Тремейна, поскольку он подозревал миссис Ивленд в негативном отношении к молодому человеку.

– Инспектор Пенросс действительно проявил излишнюю настойчивость?

– Ничуть не больше, чем следует ожидать в подобном случае. В конце концов, Адриан умер не естественной, а насильственной смертью. Даже не будь он столь известной фигурой, полиция все равно задала бы множество вопросов. Ну, а если учесть, что завтра газеты напеча-

тают новость огромными буквами на первой полосе, Пенросс просто не имеет права оставить невыясненной даже самую незначительную деталь. Действуя на виду у всех, любой детектив постарается не ошибиться, не промахнуться и не пропустить мелкую подробность, которую непосвященные заметят сразу.

Несмотря на то что взволнованная Хильда напоминала слегка растрепанную наседку, отважно защищавшую свой выводок, логика рассуждений ее была вполне убедительной. Разумеется, Пенроссу следовало проявить особую предусмотрительность.

– Репортеры уже набросились на добычу? – поинтересовался Мордекай Тремейн.

– Пока явились только местные шакалы. Но и другие не заставят себя ждать.

Дверь открылась, и появилась грузная фигура Элтона Стила. Как обычно, он не выпускал трубки изо рта.

– Пожалуй, мне пора, Хильда. Вижу, что Хелен в безопасности, а у вас здесь и без меня посетителей хватает.

– Спасибо, что зашли, Элтон. Вы – один из немногих, кого я искренне рада видеть.

– Был бы счастлив чем-нибудь помочь. Но не сделал ничего полезного.

– Одного вашего вида достаточно, чтобы она почувствовала себя увереннее, – промолвила хозяйка. – Убедена, что ваше присутствие помогло успокоить Хелен, когда она больше всего в этом нуждалась.

– Полагаете? – уточнил толстяк, словно желая поверить и все же сомневаясь. – Вы очень добры, Хильда. – Он обратил внимание на Мордекаю. – Приветствую, Тремейн. История не из приятных, правда? – И не дожидаясь ответа, снова обратился к миссис Ивленд: – Утром вернусь, Хильда. Вдруг понадобится мальчик на побегушках или что-нибудь подобное.

– Спасибо, Элтон. Обязательно передам ваши слова Хелен.

Стил хотел что-то добавить. Он помедлил, взявшись за ручку и почти загородив широкими плечами дверной проем, однако передумал. Молча кивнул и вышел. Как только дверь закрылась, Тремейн не удержался от комментария:

– Наверное, у меня разыгралась фантазия, но порой кажется, будто мистер Стил влюблен в миссис Картхэллоу.

– Разумеется, влюблен, – живо подтвердила Хильда. – Чтобы это понять, достаточно увидеть, как Элтон на нее смотрит. Зачем он примчался, едва узнав о происшествии?

– А она осведомлена о его чувствах?

– Вслух не признает, если вы об этом. Однако редкая женщина не ощущает мужского поклонения. Жаль, что Хелен не встретила Элтона до свадьбы с Адрианом. Не менее досадно и то, что Элтон не решился отказаться от собачьей преданности в пользу тактики пещерного человека.

Элтон Стил жил неподалеку, владел собственным успешным бизнесом по торговле недвижимостью и считался если не богатым, то весьма обеспеченным человеком. К тому же, он принадлежал к немногочисленному племени физически сильных, крупных и очень добрых людей, не способных обидеть и муху. Приятный голос неизменно звучал спокойно и неторопливо. Элтон Стил производил впечатление основательного, немногословного, надежного великана. Карие глаза смотрели на мир с интересом. Чаще всего люди подобного склада весьма сдержанны, хотя, выйдя из себя, способны на разрушительные вспышки гнева. Мордекаю Тремейну не довелось стать свидетелем извержения вулкана, однако доносившиеся зловещие раскаты подтверждали справедливость суждения.

– Его поведение дает Матильде повод для разговоров, – заметила Хильда.

Матильда Викери представляла собой объект одного из благодеяний миссис Ивленд. До тех пор, пока ревматоидный артрит не атаковал сначала ноги, а потом и руки, лишив возможности зарабатывать на жизнь, она служила в доме поварихой. Незамужняя, с крайне ограниченными средствами и без родственников, к которым можно было бы обратиться за поддержкой,

Матильда оказалась бы в тяжелом положении, если бы на помощь не пришла великодушная Хильда. Доброта не позволила ей бросить верную служанку на произвол судьбы.

Миссис Ивленд поселила Матильду в отдельной комнате, оплатила ей лечение и уход. На полное выздоровление подопечной надеяться не приходилось, но она твердо решила сделать все для облегчения страданий.

Услышав о благородном поступке, Мордекай Тремейн проникся к Хильде искренним уважением, хотя поначалу видел в ней лишь жизнерадостную и в то же время поверхностную, легкомысленную особу, склонную к общению, однако не наделенную глубокими чувствами. Теперь же за веселой болтливостью открылась бесстрашная, по-настоящему преданная душа.

– Вы знаете, сколько времени бедняжка проводит у окна, – продолжила Хильда. – Ничего не пропускает. Чтобы узнать последние сплетни, достаточно поговорить с Матильдой. Люди рассказывают ей о своих заботах – ну и, разумеется, о чужих тоже! Из окна виден ведущий в «Парадиз» мост, и Матильда заметила, как вместе с Хелен поднялись туда вы, как прибыл инспектор Пенросс. Она первой сообщила мне, что в доме случилось неладное.

– Пенросс уже побеседовал с мисс Викери?

– Да. Его заинтересовало то обстоятельство, что окно выходит на мост... – В эту минуту дверь открылась. – А вот и Хелен!

В комнату вошли миссис Картхэллоу и Роберта Ферхэм – похожая на мышь особа с тонкими, собранными в жидкий пучок волосами, и невыразительными, мгновенно стиравшимися из памяти чертами лица. Судя по всему, недавно она пыталась улучшить собственную внешность, экспериментируя с лаком для ногтей, тушью и губной помадой. Результат, однако, трудно было назвать удовлетворительным: создавалось впечатление неоконченного портрета, заброшенного художником по причине творческого кризиса.

Глядя в пространство между двумя вошедшими дамами, Мордекай Тремейн сдержанно произнес:

– Добрый вечер. – Затем, обращаясь уже непосредственно к Хелен Картхэллоу, пояснил: – Вот, решил зайти и узнать, не нужна ли помощь, однако только что выяснил, что предложений более чем достаточно.

Хелен Картхэллоу улыбнулась:

– Не предполагала, что вокруг столько друзей. Спасибо, что вы пришли.

Выглядела она не просто бледной, а белой. Под глазами залегли глубокие тени, а слой красной губной помады казался чрезмерным. Однако самообладание сохранилось: несмотря на утомительную беседу с инспектором Пенроссом, никаких признаков нервного истощения не было заметно.

– Делать совсем нечего, – добавила Хелен. – Только ждать. Мистер Пенросс предупредил, что его сотрудники останутся в «Парадизе». Слугам уже сказали, чтобы день-другой не возвращались. Инспектор любезно пообещал уладить все формальности. Он очень добр.

Иронии в голосе не слышалось. Мордекай Тремейн окинул Хелен быстрым, но цепким взглядом. Если она играла, то сложную роль, и делала это с исключительным мастерством.

– По пути сюда я встретил мистера Имлисона, – сообщил Тремейн, не без умысла.

– Боюсь, манера инспектора задавать вопросы привела Лестера в отчаяние, – холодно отозвалась миссис Картхэллоу. – Бедняга явно решил, будто меня пытаются!

Тремейн не сомневался, что она защищает Имлисона. Поняв, что о встрече он упомянул не случайно, а чтобы проверить реакцию, умело парировала выпад.

За короткое время Хелен Картхэллоу изменилась. Точно определить, в чем именно заключалась перемена, было нелегко, и все же манеры ее стали иными. В глазах появилось прежде неуловимое выражение горечи и цинизма. Теперь она не казалась хрупкой: свойственная натуре стальная жесткость уже не скрывалась под внешней уязвимостью.

Продолжить психологическое исследование не удалось. Хильда Ивлэнд поспешила перевести разговор в нейтральное русло. Ввиду провозглашенной цели визита Тремейну не оставалось ничего, как с энтузиазмом поддержать светскую беседу. За чашкой кофе он обдумывал изящный способ отступления, поскольку уже не сомневался, что надеяться на новую информацию не приходится. И вдруг приехал Льюис Холден. Послышался характерный душераздирающий скрип тормозов, и Хильда вышла навстречу гостю. В холле загудел низкий звучный голос:

– Весь день рыбачил. Только что вернулся и узнал ужасную новость. Разумеется, сразу отправился сюда.

И в словах, и в интонации ощущался неподдельный драматизм, да и сам человек представлял собой яркий театральный персонаж. Выдающаяся внешность и богатый красками голос создавали впечатление неподражаемой актерской индивидуальности. Тремейн неизменно воспринимал Льюиса Холдена в сопоставлении с Элтоном Стилом. С одной стороны, оба отличались мощным телосложением, хотя Стил несколько превосходил соперника в солидности. С другой – светлые волосы и короткая, тщательно ухоженная бородка Холдена в сочетании с быстрой речью и активной жестикуляцией резко контрастировали с чисто выбритым лицом и неторопливыми манерами флегматичного брюнета Стила.

Однако было бы несправедливо утверждать, что темная мужественность Стила оттеняла внешнюю мягкость Холдена. Дерзкий взгляд голубых глаз и решительный, атакующий клинок бороды делали Льюиса похожим на воинственного викинга.

Он уже стоял возле двери, и было слышно каждое слово:

– Что случилось? Рассказывают какую-то бессмысленную историю о смерти Адриана. Вы же знаете, что люди склонны искажать факты. Это самоубийство?

Хильда Ивлэнд поспешила остановить его рассуждения:

– Думаю, Льюис, вам лучше войти. Хелен в гостиной.

Дверь открылась, и появился Холден. Увидел миссис Картхэллоу, на мгновение растерялся, но сразу собрался с духом, взял ее за руку и снова заговорил:

– Хелен, дорогая, мне так жаль! Никак не мог поверить. Как же Адриана угораздило это сделать?

– Это сделал не Адриан, – холодно промолвила она. – Это совершила я.

Холден застыл в недоумении. Затем, не выпуская ее руки, повернулся к хозяйке.

– Произошел несчастный случай, – пояснила Хильда. – Хелен и Адриан шутили. Адриан достал револьвер. Она, естественно, испугалась и попросила спрятать оружие, но он ответил, что револьвер не заряжен, отдал ей и предложил проверить самой. К сожалению, он все-таки оказался заряженным.

Холден снова повернулся к Хелен, по-прежнему сжимая ее ладонь. Мордекай Тремейн задумался: интересно, проявляется ли таким способом романтичность природы или жест означает нечто особенное?

– Вот и вся история, Льюис, – сказала миссис Картхэллоу. – Очень просто, правда? Я застрелила Адриана, хотя вовсе не собиралась убивать его. Не знала, что оружие заряжено.

Холден стоял, мрачно глядя сверху вниз.

– Все случилось именно так?

Она кивнула:

– Да. Именно так.

Уже темно; в доме включили свет. В электрических лучах шелковая борода Холдена приобрела золотистый оттенок. В эту минуту он выглядел очень серьезным, внушительным и нависал над Хелен подобно мраморной статуе.

– Дорогая, – медленно произнес Холден. – Дорогая, вы... ничего не скрываете?

Мордекай Тремейн внимательно наблюдал за миссис Картхэллоу и заметил, что вопрос ее потряс. В глазах мелькнул страх. Легкое движение головы, и локон упал на лицо.

– Не понимаю, о чем вы, Льюис?

Холден терпеливо пояснил:

– Не пытаетесь ли вы защитить Адриана? Уверены, что он не застрелился сам?

– Разумеется. – Голос ее зазвучал громче, выше, пронзительнее. – Я уже рассказала, что произошло. И полиции тоже. Адриан отдал мне револьвер. Я прицелилась и нажала на курок. Все сделала так, как он сказал. Наверное, забыл, что зарядил...

Она замолчала и взглянула на Холдена с удивленным видом человека, только что открывшего для себя новую, неожиданную возможность:

– Хотите сказать, что Адриан ничего не забыл? Просто хотел, чтобы я его убила?

Раскрыв от удивления рот, Роберта Ферхэм подалась вперед в своем кресле. Казалось, она боится пропустить хотя бы слово. Мордекай Тремейн ощутил к ней резкую неприязнь. Бледные глаза и маленькое острое личико с неумелым макияжем заставили его вспомнить о вампирах и вурдалаках. Откуда это болезненное любопытство? Разумеется, он знал ответ. Роберта Ферхэм была безумно влюблена в Картхэллоу. Художник не поощрял ее чувств – во всяком случае, открыто. Удивляться не следовало: даже если бы он принимал то безмерное обожание, каким стремились одарить его женщины, перед Робертой наверняка подвел бы черту. Она явно не принадлежала к числу тех прекрасных дам, чьи чары заставляют мужчин терять голову. Более того, одна лишь мысль о ее страсти вызывала в нем дрожь. Однако подобное отношение никоим образом не влияло на мисс Ферхэм и не мешало ей лелеять чувство в расчете на тот чудесный день, когда объект поклонения ответит взаимностью. Вполне естественно, что ее живо интересовало, о чем думал Картхэллоу, протягивая жене заряженный револьвер. В этой истории ей принадлежали своего рода отсроченные акции.

– Нет, не может быть, – промолвила Хелен. – Адриан ни за что бы так не поступил.

Казалось, она отвечает не столько собеседнику, сколько самой себе, а думает о чем-то совершенно ином.

Лицо Льюиса Холдена оставалось встревоженным. Он хотел помочь, но не знал, как поступить. Наконец ограничился традиционным заявлением:

– Знайте, что если что-нибудь потребуется, я всегда к вашим услугам.

Хелен взглянула на него и вдруг засмеялась. Сначала тихо, потом громче. В резком, почти неестественном смехе слышались металлические ноты:

– Забавно, Льюис. Невероятно забавно. Все хотят помочь мне. А помочь невозможно. Ничем и никак. Адриан мертв, в доме рыщет полиция, делать совершенно нечего. Полный абсурд...

Хильда Ивленд строго приказала:

– Немедленно прекрати, Хелен!

Миссис Картхэллоу спрятала лицо в ладонях. Секунду просидела, закрыв пальцами глаза, а когда опустила руки, признаки надвигавшейся истерики бесследно исчезли.

– Простите, Льюис, – сказала она. – Наверное, я веду себя недостойно. Просто выдался трудный день.

– Все в порядке, дорогая, – ответил Холден. – Понимаю.

Мордекаю Тремейну почудилось, будто на лице Роберты Ферхэм отразилось разочарование: судя по всему, она жалела, что инцидент не получил развития. Он внимательно следил за ней. К счастью, сама Роберта наблюдала за Хелен и не замечала этого. Прежде мисс Ферхэм казалась нейтральной фигурой, не способной испытывать сильные чувства. Даже сердечная привязанность к Картхэллоу была какой-то беспомощной, пассивной, лишенной действия. Однако сейчас стало ясно, что ситуация не так проста. Роберта смотрела на Хелен с

откровенной ненавистью человека, готового совершить не только дерзкий, но и неблагоприятный поступок.

В целом вечер прошел с пользой. Не представив неожиданных открытий, позволил ощутить общую атмосферу, что Мордекай Тремейн ценил ничуть не меньше. Атмосфера создавала питательную среду для прорастания семян версии.

Покидая гостеприимный дом Хильды Ивлэнд, он размышлял об обширном пространстве и плодородной почве для создания версий. Нельзя сказать, что мысль доставляла безмятежную радость: некоторые из них вполне могли привести к неприятным выводам. Среди путаницы впечатлений этого вечера четко проступали две неоспоримые истины: неприкрытая ненависть во взгляде Роберты Ферхэм и жесткий цинизм в глазах Хелен Картхэллоу.

Мордекай Тремейн печально покачал головой. Что тут скажешь? Плохо. Очень плохо.

Глава 5

После завтрака Джонатан Бойс предложил прогуляться вдоль берега. Над морем висели облака, однако верилось, что они вскоре рассеются и день выдастся ясным. Мордекай Тремейн ответил, что рад пройти. По случайному совпадению приятели направились в сторону «Парадиза». Поначалу разговор осторожно вился вокруг пейзажа. Бойс выпустил кольцо дыма и показал в сторону рыбацких лодок, качавшихся на волнах за пределами бухты.

– Похоже, там не так спокойно, – заметил он. – За мысом ветер дует безжалостно. Хорошо, что я рыбачил вчера, а не сегодня. Вот только пропустил главное событие дня. – Он взглянул на своего спутника и поинтересовался: – Выяснили что-нибудь вечером?

Мордекай Тремейн поправил пенсне:

– Не знаю. Хочется верить, что нет, но не знаю.

– Народу собралось полно, не так ли?

– Да. Стил, Холден, Роберта Ферхэм, кое-кто из соседей. Все хотели чем-нибудь помочь.

– Или что-нибудь разнюхать, – усмехнулся Бойс.

– Только не Стил, – уточнил Тремейн. – И не Холден.

– Судя по всему, миссис Картхэллоу пользуется популярностью среди местных джентльменов, – продолжил Бойс. – Неудивительно. Мне она тоже нравится. Будет жаль, если что-нибудь пойдет не так.

Возле «Парадиза», у входа на мост, стоял констебль. Джонатан Бойс приветствовал дежурного кивком, однако подойти не попытался. Странно было сознавать, что ведется полицейское расследование, и не иметь доступа к месту преступления, однако Бойс понимал: констебль знает его, и не хотел создавать двусмысленную ситуацию. Сейчас он не обладал официальным статусом, а оставался лишь простым отдыхающим.

К счастью, через пару минут появился Пенросс и немедленно принял решение.

– Хочу, чтобы вы прошли в дом вместе со мной, – заявил инспектор. – Сейчас выясню, согласен ли главный констебль. Впрочем, увидев вас обоих, он вряд ли станет возражать.

Справившись со страхом высоты, Мордекай Тремейн с гордым достоинством преодолел шаткий мост. Возможно, заслуженная честным трудом репутация следователя по уголовным делам не так уж и плоха.

– Попросил приехать миссис Картхэллоу, – сообщил Пенросс возле дома. – Сказал, что буду благодарен, если она поможет уточнить кое-какие детали.

Все трое вошли в кабинет. Мордекай Тремейн не без труда вспомнил, что лишь несколько часов назад здесь лежало тело убитого человека. Разумеется, труп уже забрали. Сейчас безупречный порядок нарушал лишь перевернутый стул.

– Вы бывали здесь прежде, Мордекай, – обратился к нему Пенросс. – До вчерашнего дня. Что-нибудь в комнате изменилось?

Тремейн внимательно осмотрелся, хотя уже успел запечатлеть в памяти каждую мелочь.
– Только стол. Раньше он стоял вот здесь. – Он показал на внешнюю стену.

Пенросс кивнул:

– Так я и думал. На ковре заметны следы от ножек. Так бывает, когда мебель долго остается на одном месте. Интересно, зачем вдруг понадобилась перестановка?

Инспектор выжидающе посмотрел на Тремейна, однако тот покачал головой:

– Простите, Чарлз. Никаких предположений у меня нет.

Джонатан Бойс методично осматривал комнату: грузная фигура медленно поворачивалась, зоркие глаза пристально изучали пространство.

– Где вы обнаружили солнцезащитные очки? – наконец поинтересовался он.

Пенросс улыбнулся:

– Решил, что все подробности вам уже известны, а потому не стал упоминать. – Он показал на кресло возле книжного шкафа. – Лежали вот тут.

– Раскрытые или сложенные?

– Раскрытые. Так, словно кто-то зашел за книгой и на минуту оставил их.

Бойс кивнул:

– А пинцет?

– С пинцетом не так просто: валялся на полу у края ковра, вот за этой кожаной подушкой.

– Миссис Картхэллоу утверждает, что очки оставил сам Адриан. А вот насчет пинцета ничего не знает, но полагает, что он тоже мог принадлежать мужу. Адриан постоянно возился с лекарствами и разными медицинскими приспособлениями.

Джонатан Бойс задал следующий вопрос:

– Что с картиной? Наверное, находится в студии?

– Пойдемте, покажу, – с готовностью предложил Пенросс и повел коллег по узкой крутой лестнице.

Наверху Бойс внимательно осмотрел оставшийся после Адриана Картхэллоу беспорядок. Поднял несколько сделанных углем набросков и заметил:

– Неплохо. Даже в таком черновом, поспешном рисунке точно схвачено настроение побережья. Сильный талант.

– Интересно, – задумчиво промолвил Пенросс, – что он собирался с этим делать?

Он подошел к мольберту и повернул его так, чтобы картина была на виду. Джонатан Бойс изумленно присвистнул.

– Кажется, кому-то она не понравилось, – произнес он и подошел ближе. Чья-то яростная рука грубо заляпала холст пятнами желтой охры, красного кадмия и синего кобальта – так, чтобы полотно стало недоступно пристальному взгляду. Можно было догадаться, что моделью для портрета послужила Хелен Картхэллоу, однако прочитать переданное мужем выражение лица не удавалось. Глаза, по которым можно было бы судить обо всем произведении, были с особым рвением замазаны толстым слоем синей краски. Похоже, злоумышленник выдавил на холст целый тюбик, а потом с ненавистью растер краски.

– Мастер предполагал создать образ Моны Лизы? – осведомился Мордекай Тремейн. – Или Цирцеи?

В этот момент из открытого окна донеслись голоса: сначала послышался строгий окрик констебля, а затем ему ответила женщина.

– По-моему, приехала миссис Картхэллоу! – воскликнул Пенросс.

Когда они вернулись в гостиную, Хелен уже ждала их. Сегодня она надела безупречно сшитый по стройной фигуре серый костюм с широкой юбкой. Не стесненные шляпой, зачесанные назад темные волосы свободно спускались к плечам. Шелковистые, блестящие пряди сияли в свете окна за спиной. Губы лишились привычной алой помады: утренний макияж отличался скромностью. В выражении лица трагедия сочеталась с достоинством. Мордекай Тре-

мейн вдруг почувствовал, как в горле застрял комок. Свободная от вчерашней жесткости молодая леди выглядела печальной и очень красивой.

– Доброе утро, – сказала она. – Хотели меня видеть, инспектор?

– Да, – кивнул Пенросс. – Благодарю за сотрудничество, миссис Картхэллоу. Необходимо уточнить пару деталей, а на месте это сделать проще.

– Но я уже рассказала все, что знаю, инспектор! Ответила на многие вопросы. Показания подробно записаны.

Словно не замечая ее обиженной, недовольной интонации, Пенросс поинтересовался:

– Эти джентльмены вам знакомы?

– Да, конечно.

– Не возражаете против их присутствия?

В голосе Хелен прозвучало раздражение:

– Не понимаю, о чем вы, инспектор? Почему я должна возражать?

– Дело в том, миссис Картхэллоу, что сейчас они здесь не в служебном качестве. Если вам не хочется отвечать на вопросы или делать заявления при посторонних, то не надо. Собственно говоря, – добавил Пенросс, – вы вообще не обязаны отвечать на вопросы, хотя я по достоинству оценю любую помощь.

Хелен посмотрела на него с подозрением:

– Уж не предостерегаете ли вы меня, инспектор?

– Что навело вас на эту мысль, миссис Картхэллоу? Ничуть. Я лишь забочусь о том, чтобы вы знали свои законные права. Видите ли, в мои обязанности входит строгое соблюдение всех правил, предусмотренных для защиты. А теперь не согласитесь ли пройти в кабинет мужа?

Хелен не пошевелилась.

– Это... необходимо? – тихо спросила она.

– Боюсь, что да, – мрачно подтвердил Пенросс.

Все пересекли холл и вошли в комнату, где умер Адриан Картхэллоу. Вдова машинально взглянула на стол. Слабый румянец на ее щеках сменился восковой бледностью.

– Чего вы от меня хотите?

– Хочу, чтобы вы показали, где именно стояли, когда муж был застрелен.

Хелен помедлила несколько мгновений, словно вспоминая события вчерашнего дня, и прошла по комнате.

– Вот здесь, – ответила она.

Пенросс начал медленно приближаться к ней и попросил:

– Прикажите остановиться там, где находился муж.

Она наблюдала за его продвижением, а как только инспектор подошел к письменному столу, слегка подняла руку. Он тут же замер.

– Тут?

– Точно не помню, – медленно произнесла Хелен. – Наверное, немного левее.

Пенросс шагнул в сторону:

– Здесь?

– Да, примерно. Когда Адриан достал из ящика револьвер, он сидел за столом. А потом встал и протянул мне. Должно быть, я в страхе отпрянула. Тогда он засмеялся и сказал, что беспокоиться незачем: револьвер не заряжен.

Пенросс напряженно обдумывал что-то. Наконец он задал следующий вопрос:

– Стреляя, вы держали руку вытянутой или слегка согнутой?

Миссис Картхэллоу нахмурилась:

– Скорее всего вытянутой. Точно не помню, все в тумане. Но оружие было тяжелым, держать его было трудно.

– Если вы только что сказали правду, то, стреляя, должны были находиться на расстоянии двух-трех ярдов от мужа. Верно?

Она явно нервничала. Манера поведения выдавала настороженность и страх.

– Да, верно.

Пенросс строго посмотрел на нее и покачал головой:

– Миссис Картхэллоу, так дело не пойдет.

Хелен попыталась скрыть смятение, однако безуспешно. Дыхание ее участилось.

– Что вы хотите сказать?

– Хочу сказать, что все случилось иначе. Доктор Корбин утверждает, что выстрел, убивший вашего мужа, был произведен с близкого расстояния. С очень близкого расстояния. Почему бы вам не сказать правду, миссис Картхэллоу?

Она попыталась что-то ответить. Губы ее двигались, однако никто из присутствующих не услышал ни единого звука. Пенросс внимательно наблюдал за ней. Манеры его оставались мягкими, но за внешней доброжелательностью ощущалась непреклонность. Мордекай Тремейн понимал, что спуску инспектор ей не даст. Наконец миссис Картхэллоу с трудом произнесла:

– Хорошо, инспектор. Расскажу, как все произошло в действительности.

Пенросс придвинул стул. Держался он абсолютно бесстрастно.

– Думаю, так будет лучше, – сказал он, жестом приглашая ее присесть. – Не хочу, чтобы вы считали беседу пыткой. Не хочу также, чтобы вы что-то говорили, пока не убедитесь, что готовы к этому. Спешить некуда. Важно лишь одно, – его голос зазвучал внушительно, – чтобы мы услышали правду.

Миссис Картхэллоу опустила на стул и провела рукой по лбу в инстинктивном жесте беспомощного отчаяния.

– Я вела себя глупо и теперь это сознаю. Простите, инспектор. Следовало сразу понять, что эта история не пройдет. Уже вчера стало ясно, что вы мне не поверили. Да я и сама чувствовала, как неубедительно звучит мой рассказ. Знала, что должна открыть правду, но менять показания было уже поздно. К тому же, мне хотелось избежать скандала. Адриан пользовался широкой известностью, и его смерть не может пройти незамеченной. Газеты наверняка примутся ворошить грязное белье. Я решила, что если удастся скрыть настоящие события, шума будет меньше, и репортеры не смогут раздуть сенсацию. Если бы дала себе труд остановиться и подумать, то наверняка поняла бы, что ложью лишь усугубляю вину. К сожалению, шок и растерянность помешали мне выбрать единственно верный путь.

Почти не моргая, Хелен смотрела Пенроссу в лицо.

– Я сказала, что мы с Адрианом шутили. Это неправда. На самом деле мы не шутили, а ссорились.

– Что именно послужило предметом ссоры? – уточнил он.

– Разве трудно догадаться? – горько усмехнулась Хелен. – Речь шла о Лестере... о мистере Имлисоне. Я подумала, что о нас с ним знает весь Фалпорт, и потому попыталась замаять историю. Представила, какие сказки сочинят сплетники, едва узнав, что Адриан застрелен.

– Простите за нескромность, миссис Картхэллоу, но случались ли прежде ссоры по этому поводу?

– Да, – с горечью подтвердила Хелен. – Ссоры возникали, и не раз. Многим Адриан казался мягким, терпимым человеком, однако на самом деле он был совсем другим. Порой впадал в такую ярость, что не отдавал отчета в собственных действиях.

Вчера, как только я вернулась, он начал задавать вопросы о мистере Имлисоне. Заявил, что я слишком часто с ним встречаюсь, что все вокруг только и делают, что обсуждают наши отношения. Не желал ничего слушать и понимать. Все больше распалялся, будто намеренно стремился довести себя до исступления.

Она сидела, вцепившись в стул и неподвижно глядя в пространство.

– Хорошо зная характер Адриана, следовало проявить осмотрительность и поступить более разумно. Надо было вспомнить, что он устраивает сцену, потому что в доме нет слуг и никто не может его услышать. Но я не дала себе труда задуматься. Адриан... так оскорблял меня. Невыносимо. Я пыталась возражать, старалась доказать, что он преувеличивает, и тем самым лишь распаляла его гнев.

Неожиданно Адриан повернулся к столу и достал револьвер. Скорее всего просто хотел напугать меня, но в ту минуту показалось, что он готов пристрелить меня. Я схватила его за руку, чтобы отвести оружие в сторону. Несколько секунд мы боролись. Адриан пытался высвободить руку, а я удерживала, надеясь, что он одумается и успокоится.

– Где именно происходила борьба? – уточнил Пенросс.

– Мы оба стояли возле стола, – ответила Хелен. – Точнее, по обе стороны от него. – Она прикрыла глаза, будто стремясь восстановить картину и оживить в памяти подробности. Фразы вырывались судорожными толчками: – Адриан стоял, наклонившись. Я вцепилась в его руку и мешала ему выпрямиться. Левым локтем он уперся в стол, чтобы удержаться. Наверное, револьвер каким-то образом оказался под нами. Помню, как Адриан дернулся, пытаюсь вырваться, и в это мгновение грохнул выстрел.

Это было ужасно. Муж не издал ни звука. Я склонилась, увидела его голову и едва не упала в обморок. Ужасное зрелище настолько поразило меня, что я не могу вспомнить, что делала дальше. По-моему, положила оружие на стол, села в кресло и попыталась осознать, что же произошло.

Наверное, именно тогда я сообразила, как люди воспримут смерть Адриана. Вся исказят, очернят и раздуют до невероятных размеров. Сплетники найдут достойное применение своим длинным языкам. Я испугалась и за себя тоже. В доме никого не было – значит, недоброжелатели могли сказать, что это вовсе не несчастный случай, мол, я намеренно убила мужа...

Хелен опустила голову, на ее лицо упал локон.

– Я уже говорила, инспектор, что не вспомнила о телефоне. На самом же деле я подумала о нем. Но, зная, что мистер Тремейн отдыхает на пляже, решила позвать его в дом до приезда полиции, чтобы он выступил в качестве свидетеля и помог убедить детективов в случайности выстрела. Тогда вопросов возникло бы меньше.

Она снова посмотрела на Пенросса и произнесла с отчаянной мольбой:

– Пожалуйста, инспектор, поверьте! Я рассказала все, как было. На сей раз ничего не утаила.

– И готовы подписать новые показания? – уточнил Пенросс.

Хелен кивнула:

– Да, конечно. Вы имеете полное право относиться ко мне с подозрением, инспектор. Однако других показаний не потребуется.

Пенросс смерил ее пристальным взглядом:

– Хочу кое-что вам продемонстрировать, миссис Картхэллоу.

Она мгновенно насторожилась. Наблюдавший за ней Мордекай Тремейн заметил, что Хелен настроилось на активную защиту.

– Да, инспектор?

– Я осмотрел студию вашего мужа, – сообщил Пенросс и замолчал, ожидая ее реакции.

Заявление не произвело на нее ни малейшего впечатления.

– Адриан здесь много работал, – равнодушно отозвалась Хелен. – Считал, что этот дом вселяет в него вдохновение.

Фраза могла бы показаться ироничной, однако ни в выражении лица, ни в голосе не ощущалось ни тени иронии.

– Вы поднимались в студию в последнее время? – спросил Пенросс.

– После того, как вчера вернулась? – уточнила Хелен и покачала головой. – Нет. Честно говоря, не была нигде, кроме этой комнаты и гостиной.

– Буду чрезвычайно признателен, если вы составите мне компанию.

Она послушно встала, и вновь небольшая процессия направилась вверх по узкой лестнице. По пути Пенросс бросил через плечо:

– Судя по всему, миссис Картхэллоу, супруг работал над вашим портретом!

– Да, – подтвердила Хелен и после паузы добавила: – Нет ничего необычного в том, что художник хочет изобразить жену.

– Естественно, – согласился Пенросс. – В этом ничего необычного нет.

Он двинулся по комнате туда, где стоял мольберт, и быстро повернул его. Хелен только что вошла и сразу оказалась перед холстом. Глаза ее изумленно расширились. Она судорожно вздохнула, подняла руку к губам и срывающимся шепотом спросила:

– Когда... когда это случилось?

– Не знаю, – пожал плечами Пенросс. – А вам известно?

– Нет, – едва слышно пробормотала Хелен. – Нет. – Голос ее звучал слабо; казалось, она сейчас упадет.

Джонатан Бойс машинально вытянул руку, чтобы поддержать ее, однако миссис Картхэллоу устояла на ногах. Пару секунд она молча смотрела на испорченный портрет, а потом проговорила:

– Вероятно, это сделал сам Адриан. До моего возвращения. Не знала, что он так мучительно переживает.

– Вы сказали, что иногда супруг проявлял несдержанность и даже впадал в ярость. Имел ли он привычку уничтожать работы в случае острой неудовлетворенности?

– То есть терял ли самоконтроль до степени разрушения? – Хелен задумалась. – Случалось, но нечасто. Адриан говорил, что рассуждения о художественном темпераменте пусты: если ему не удавалось создать хорошую картину, то исключительно из-за недостатка мастерства.

– Но вы считаете, что это сделал он? – И Пенросс показал на портрет.

– Да, – ответила миссис Картхэллоу. – Хотя, как правило, Адриан вел себя более сдержанно, подобные срывы мне известны. К тому же, – простодушно добавила она, – кто еще мог уничтожить портрет?

Пенросс не ответил на ее вопрос.

– Вот это я и хотел вам показать, – произнес он. – Надеялся, что вы сможете внести ясность. Разумеется, по сравнению с гибелью автора утраченный портрет – лишь мелкая деталь, но хочется, чтобы все получило убедительное объяснение. Ну, а теперь, если не возражаете пройти со мной, мы напечатаем новое заявление, и в случае полного согласия вы поставите свою подпись.

Инспектор вышел из комнаты, и миссис Картхэллоу молча последовала за ним. Мордекай Тремейн проводил их встревоженным взглядом.

Он ни на секунду не сомневался, что, до какой бы степени Адриан Картхэллоу ни разочаровался в портрете, он никогда не испортил бы его столь яростными, вульгарными, оскорбляющими воспитанное на высоких примерах зрение пятнами.

Глава 6

На обращенной к морю террасе дома Тайнингов стояли три шезлонга. На правом Джонатан Бойс задумчиво жевал пустую трубку. На левом Мордекай Тремейн без всякой необходимости выпускал облака табачного дыма и с таким упорством пытался сдержать кашель, что даже покраснел. После долгих страданий он наконец приучил свой желудок ограничи-

ваться пустой трубкой, тем самым избавляя себя от публичного позора. Однако порой мятежная натура заставляла играть роль великого сыщика и обволакивать густым дымом путь к решению проблемы, слишком запутанной, чтобы размышлять о ней в комфортных условиях.

Центральный шезлонг пустовал, производя впечатление значительности момента и напряженного ожидания. Казалось, таким способом самоуверенная мебель провозглашала себя главным персонажем вечера.

И вот на шезлонг упала тень.

– Устраивайтесь поудобнее, Чарлз, – пригласил Джонатан Бойс. – Мордекай каждую минуту вскакивает, чтобы посмотреть, не появились ли вы.

Тремейн опустил трубку – надо сказать, не без тайной благодарности.

– А как насчет вас? – негодуя уточнил он.

Джонатан Бойс улыбнулся.

– Так и быть, – снисходительно промолвил он, – мы оба ждали с огромным нетерпением. Как дела, Чарлз?

Пенросс уселся в свободный шезлонг, достал трубку и начал методично набивать ее.

– Я пришел сюда именно для того, чтобы обсудить с вами, как идут дела. Все должно быть просто и понятно. Знаменитый художник Адриан Картхэллоу случайно застрелен. Газеты печатают некрологи. Проводится дознание, во время которого коронер выражает глубокое соболезнование вдове. Заключение – смерть в результате несчастного случая. И все. Но я не верю.

– А как обстоят дела с Хелен Картхэллоу? – поинтересовался Мордекай Тремейн.

Пенросс торжественно разжег трубку.

– То есть?

– Вчера она дала показания о том, каким именно образом произошло убийство. Вы выяснили, что показания не соответствуют действительности. Сегодня она сделала другое заявление – якобы настоящее, где все концы сошлись. Не сомневаюсь, что вы уже пришли к выводу, что второе заявление – такая же сказка, как и первое.

– Что заставляет вас так думать? – осведомился Пенросс.

– Предпочитаю оставить доводы при себе и послушать ваши рассуждения.

– В общем, вы правы, – мрачно изрек инспектор. – И будь я проклят, если ситуация мне нравится. Следуя чувству долга, необходимо требовать ордер на арест миссис Картхэллоу по обвинению в убийстве. Но сделать это я не могу. Не хочу, чтобы она оказалась виновной. Надеюсь, что вам удастся заметить какую-нибудь существенную мелочь, какую я пропустил.

Джонатан Бойс покачал головой:

– Так нельзя, Чарлз. Вы – инспектор полиции и не имеете права на сентиментальность. Если жена убила мужа, то должна ответить по закону.

Однако его голос дрогнул от волнения, и Мордекай Тремейн рассудительно заметил:

– Вы, Джонатан, ничем не лучше нас. Из-за хорошенького личика никому не хочется видеть правду, даже если правда стоит перед глазами. Но откуда нам знать, настолько ли миссис Картхэллоу хороша внутри, как снаружи? Я знаком с ней дольше, чем вы оба, но до сих пор не могу понять ее характера. Очаровательная внешность способна скрывать душевную мерзость. Однако давайте вернемся к делу, Чарлз. Утром вы упомянули, что Картхэллоу убит пулей с очень близкого расстояния.

– Вы видели результат. По словам доктора Корбина, чтобы нанести подобные повреждения, револьвер должен был находиться у виска. Пуля прошла насквозь и попала в раму висевшей на стене картины. Здесь-то и возникают сложности.

– Вы сделали все, что могли, Чарлз, чтобы заставить миссис Картхэллоу рассказать правдоподобную историю, – успокоил его Тремейн.

Инспектор взглянул на него понимающе.

– Вы на верном пути, – ответил он. – Дюжину раз я изучал фотографии и сравнивал с обстановкой кабинета. Но все равно что-то не сходится. Если провести прямую линию от того места, где, по ее собственным словам, стояла Хелен, до той точки, где, по ее же словам, во время борьбы находилась голова Адриана, то траектория выстрела заканчивается где-то на потолке.

Джонатан Бойс сочувственно усмехнулся:

– Понимаю, о чем вы, Чарлз. Геометрические данные игнорировать невозможно.

Мордекай Тремейн тоже высказал свое авторитетное мнение:

– В подобной ситуации Хелен вряд ли отдавала себе отчет в том, что и как происходит. Представь сам: они дерутся над столом, и Картхэллоу сжимает в руке револьвер. Внезапно раздается выстрел. Она смотрит на мужа и видит, что он мертв. А поскольку пуля крупного калибра выпущена с близкого расстояния, зрелище способно кого угодно привести в шок. Особенно женщину. Разве не разумно предположить, что Хелен могла неправильно истолковать события этих ужасных минут?

Пенросс кивнул:

– Да, вполне разумно. Вот почему я дал ей возможность объясниться. Сделал все, что в моих силах. Фактически, даже больше, чем следовало.

Джонатан Бойс нахмурился:

– А не могло случиться так, что вдова искренне заблуждается? Переживание действительно ужасное, оно способно затмить разум.

– Вы слышали и видели, как миссис Картхэллоу давала показания, – произнес инспектор. – Разве она производила впечатление растерянной, испуганной или неуверенной в себе женщины?

– Нет, – неохотно признал Бойс.

– Я проверил множество раз, – продолжил Пенросс. – Чтобы начертить прямую линию к пулевому отверстию в раме, пришлось вообразить, будто револьвер был приставлен к голове Картхэллоу намеренно. А в той борьбе, которую так живо описала миссис Картхэллоу, подобное положение не могло возникнуть ни на секунду. Револьвер, разумеется, отправили на дактилоскопическую экспертизу. Выяснилось, что все отпечатки пальцев принадлежат исключительно ей.

Наступило долгое молчание. Наконец Мордекай Тремейн проговорил:

– Не думаю, Чарлз, что на этом история закончится.

– А мне как раз представляется, что это все, – возразил Пенросс.

Мордекай Тремейн поправил опасно балансировавшее на кончике носа пенсне. Глаза его вспыхнули, словно он пытался поймать многообещающую, но упорно не желавшую принимать определенную форму версию.

– Хелен Картхэллоу – умная женщина. Если она убила мужа, то почему не потрудились сочинить убедительную историю? Почему сразу не заявила, что револьвер случайно выстрелил во время борьбы? Подобное объяснение вызвало бы меньше подозрений, чем нелепая выдумка о том, будто Картхэллоу сам дал жене оружие и убедил ее нажать на курок.

– От испуга. Она не лгала, утверждая, что не хотела признавать факта физической борьбы – причем безжалостной, – поскольку боялась, что никто не поверит в непреднамеренность убийства. Очевидно, решила, что вызовет больше доверия, придумав, как во время игры исполнила волю мужа – хотя воля эта кажется весьма эксцентричной, – чем рассказав историю о случайном выстреле во время ссоры. В конце концов, Картхэллоу пользовался репутацией странного человека, и невероятное предложение не противоречило бы его образу. – Пенросс задумался. – Однако миссис Картхэллоу не учла одной тонкости: специалисты сразу определяют, что стреляли почти вплотную. Поэтому, после того как я подчеркнул несоответствие, она в надежде на спасение решила обратиться к версии ссоры.

Мордекай Тремейн не согласился с его доводами. Он беспокойно заерзал в шезлонге, и деревянная конструкция жалобно закрипела.

– Вы действительно полагаете, что Хелен могла этого не учесть? Возможно ли, чтобы Картхэллоу совершил самоубийство?

– Если вы спрашиваете мог ли он нанести рану сам себе – в том смысле, что Картхэллоу физически мог приставить револьвер к собственной голове в данном положении, то ответ положительный. Пуля вошла в правый висок, а, как известно, именно правый висок представляет собой излюбленную цель самоубийц, – ответил Пенросс. – Однако в таком случае на оружии непременно остались бы отпечатки его пальцев.

– Если бы он убил себя, то зачем Хелен понадобилось бы это скрывать? – резонно спросил Тремейн.

В разговор вступил давно молчавший Джонатан Бойс:

– Лично мне видятся две возможности. Во-первых, естественное желание защитить память мужа. Во-вторых, циничное стремление получить его страховку. Компания выплатит крупную сумму за смерть в результате несчастного случая, а вот с самоубийством дело обстоит сложнее.

– Полагаете, миссис Картхэллоу стерла с рукоятки отпечатки мужа, а взамен оставила следы собственных пальцев? Слишком страшный риск для женщины. – Пенросс смерил собеседников долгим пристальным взглядом. – Случай и без того непрост.

– Тем приятнее сознавать, что я в отпуске, а распутывать клубок предстоит вам, – отозвался старший инспектор Бойс.

Мордекай Тремейн задумчиво смотрел на далекие скалы.

– Полагаю, вчера днем посторонние люди в «Парадиз» не заходили?

– Это я уже проверил, – ответил Пенросс. – Навестил добрейшую миссис Ивленд и побеседовал с Матильдой Викери. Вам, наверное, известно, что из окна ее спальни виден мост. Бедняжка только и делает, что наблюдает, кто вошел в дом и кто оттуда вышел. Поскольку пару дней хозяева отсутствовали, ей не составило труда запомнить всех, кто появился на мосту. До того момента, как вы с миссис Картхэллоу поднялись с пляжа, в поле зрения мисс Викери попали только четыре человека. Дважды явился почтальон: рано утром и с повторной доставкой. Молочник, как обычно, оставил свой товар в ящике – потом его забирают слуги. А также вернулись из города мистер и миссис Картхэллоу. Мисс Викери собственными глазами видела, как вошли и вышли почтальон и молочник и как приехали хозяева.

– Вместе?

– Нет. Картхэллоу опередил жену примерно на четверть часа. Хелен появилась одна. Хотя бы в этом ее история соответствует действительности.

– Свидетельство не самое надежное, – возразил Мордекай Тремейн. – Матильда могла ошибиться и кого-нибудь пропустить.

Пенросс откинулся на жесткую спинку шезлонга. Держался он так, будто уже нашел ответы на все вопросы.

– Вчера у нее выдался трудный день: почти постоянно мучили боли. Читать она не могла, а потому просто полулежала в постели и смотрела в окно. Уверяет, будто ни разу не задремала и абсолютно все видела. Надо сказать, что память у нее превосходная; наверное, оттого, что болезнь заставляет наблюдать мир как бы со стороны, а не участвовать в его движении. Полагаю, Матильда ничего не пропускает. Даже если почему-то не заметила входившего человека, то на обратном пути тому уже никак не удалось бы миновать всевидящее око.

– Лично я не могу с уверенностью заявить, что когда поднялся в дом вместе с миссис Картхэллоу, никого из посторонних там не было, – честно признался Мордекай Тремейн. – Комнаты я не осматривал. Если там прятался злоумышленник, то ему ничего не стоило выйти, пока мы ждали вашего приезда.

– Но только через мост, – уточнил Пенросс. – Другого пути не существует. Мисс Викери клянется, что не сводила глаз с моста, и не сомневается, что между вашим и моим появлением там никто не проходил. Я беседовал с ней довольно долго, задавал множество вопросов. Судя по ответам, которые удалось проверить, она никогда не ошибается. К тому же, могу поручиться, что впоследствии дом тоже никто не покидал: я поставил своего человека у входа на мост, так что узнал бы о любой попытке бегства. – Инспектор выдержал многозначительную паузу, а потом многозначительно заключил:

– Все сходится к единственному логичному выводу: в доме находились только два человека: миссис Картхэллоу и ее супруг.

– Полагаю, – лениво протянул Джонатан Бойс, – что, соблюдая инструкцию, вы уже проверили алиби друзей и знакомых?

Пенросс достал из кармана записную книжку, пролистал страницы:

– Составил список людей, имевших непосредственное отношение к чете Картхэллоу. Пока не успел вникнуть в правдивость историй, однако, словно сговорившись, все опрошенные заявили, что во время убийства находились далеко от «Парадиза». Вот, пожалуйста. Роберта Ферхэм. Теннисный клуб в противоположном конце города. Уверяет, будто прибыла туда раньше половины третьего, хотя точного времени не помнит, а уехала после пяти часов. Проверить не составит труда, ведь в одиночестве в теннис не играют. Льюис Холден рыбачил в Сент-Могане. Вернулся вчера вечером. Должен был остаться там до сегодняшнего утра, однако отбыл сразу, как только услышал печальную новость.

– Когда Холден появился, я как раз сидел в гостиной миссис Ивлэнд, – рассказал Мордекай Тремейн. – От хозяйки он узнал, что Хелен тоже там.

Пенросс просматривал заметки.

– Хотелось бы знать, к чему такая спешка, – произнес он словно про себя, однако вопросительно взглянул на Тремейна.

Тот сразу понял намек:

– Насколько мне известно, между ними ничего нет. Холден принадлежит к близкому кругу, вот и вернулся, чтобы выяснить, не нужна ли помощь. Честно говоря, мне всегда казалось, что с самим Картхэллоу его связывали более теплые отношения, чем с Хелен. Так что, Чарльз, сомневаюсь, что здесь удастся обнаружить любовный треугольник.

– Заметьте, о любовном треугольнике я даже не упомянул. Но если уж вы произнесли эти избитые слова, то наиболее вероятный кандидат на третью сторону – Лестер Имлисон.

– Допустим, вы правы, – вмешался Джонатан Бойс. – Раз так, где находился Имлисон в ответственный час?

– В дороге. Застрял где-то между Уэйдстоу и Фалпортом, – не задумываясь, ответил Пенросс. – Машина сломалась: отошел один из проводов, и обнаружить повреждение удалось не сразу. Лестер возвращался с ипподрома.

– Итак, автомобиль сломался, – подытожил Бойс. – Обычное дело, может случиться с каждым. Интересно, где бы он оказался, если бы не застрял в пути?

– Даже если бы мы знали ответ на данный вопрос, вряд ли это что-нибудь доказывает. – В голосе инспектора прозвучало разочарование. – Важно лишь одно: в «Парадизе» молодого человека не было.

Мордекай Тремейн сидел с мрачным видом и думал, что рано или поздно Пенроссу все-таки придется принять трудное решение в отношении Хелен Картхэллоу. Из Фалпорта уже примчались газетные репортеры, и они не поленились вникнуть во все мелочи. А главный констебль наверняка изучит поступившие сообщения и потребует немедленных действий. Бесплезно противопоставлять личную симпатию неприглядной правде.

Он снова перебрал в уме перечисленные Пенроссом факты и пришел к неоспоримому выводу: все они против миссис Картхэллоу. Адриан Картхэллоу убит из револьвера, на стволе

которого остались отпечатки пальцев его жены. В доме кроме них никого не было. Известно, что Хелен Картхэллоу поддерживает близкие отношения с Лестером Имлисоном. Она призналась, что именно их чрезмерная дружба явилась причиной ожесточенной ссоры с мужем. Более того, уже представила две версии гибели Адриана Картхэллоу, ни одна из которых не соответствует правде. Мордекай Тремейн видел четыре возможных объяснения гибели известного художника.

Объяснение первое. Адриан Картхэллоу застрелился сам. Причину самоубийства еще предстоит выяснить. В таком случае, почему на револьвере не осталось следов его пальцев?

Объяснение второе. Хелен Картхэллоу убила мужа, однако сделала это непреднамеренно. Но почему же не рассказала правды, а сочинила две версии, без труда опровергнутые полицией?

Объяснение третье. Хелен Картхэллоу – убийца. Застрелила мужа хладнокровно и преднамеренно. Вот только что помешало ей придумать в свое оправдание мало-мальски приемлемую версию?

Объяснение четвертое. В преступлении виновен другой, пока неизвестный человек. В таком случае, как ему удалось войти и выйти незамеченным?

Мордекай Тремейн осознал, что исчерпал не все возможные версии. Существовала и еще одна, пятая. Предложенная Джонатаном Бойсом. Адриан Картхэллоу хотел, чтобы жена застрелила его, и намеренно солгал, заверив, будто оружие не заряжено. Однако что заставило его выбрать столь неуклюжий способ самоубийства, и почему Хелен не сказала честно, где стояла во время выстрела?

Мордекай Тремейн попытался вспомнить первую встречу с известным художником и его красавицей-женой. Вероятно, прошлое даст ключ к разгадке рокового происшествия в кабинете. Перед его мысленным взором возникло лицо Хелен Картхэллоу: темные глаза, чересчур яркие губы. Что означал столь смелый выбор помады?

Инспектор Пенросс тяжело, протяжно вздохнул и заговорил, не обращая ни к кому конкретно. Он любил рассуждать вслух:

– Вопрос в том, куда двигаться дальше. Вместо очевидного, незамысловатого убийства по неосторожности я получил самый сложный случай в своей практике.

Мордекай Тремейн сочувственно взглянул на него:

– Да, дело непростое.

Часть II. Бал-маскарад

Глава 1

Мордекаю Тремейну казалось, что вечеринка удалась на славу. Собралась большая компания, а знакомство с новыми людьми всегда доставляло ему удовольствие. Да, он действительно проявил излишний, даже несколько опасный энтузиазм в процессе оценки предложенных Анитой Лейн великолепных вин. Пусть достойный джентльмен и не надел розовых очков, пенсне, сквозь которое он жизнерадостно смотрел на мир, на время приобрело свойство надевать всех и каждого чрезмерным добросердечием.

В результате профессиональной деятельности хозяйки вечера – а Анита Лейн писала критические статьи о театре и кино – круг ее знакомых отличался невероятной широтой, и в просторной квартире в районе Кенсингтон собралась причудливо пестрая компания. Сегодня в качестве звезды и светского льва предстал Адриан Картхэллоу.

Новая картина художника под названием «Триумфальный марш человечества» только что была представлена на суд заинтересованным зрителям. Мир искусства вздрогнул и сразу разделился на два непримиримых лагеря: сторонники полагали, что произведение достойно почетного места среди шедевров, а противники уверяли, будто заглядывать в подобные глубины горечи и цинизма не просто опасно, но и вредно.

Мордекай Тремейн картину не видел, однако читал доводы обеих сторон и склонялся к поддержке автора, считая, что даже если творческое высказывание горько и цинично, то, во всяком случае, искренне и основано на правде.

Замысел заключался в наглядном изображении процесса эволюции – от первобытного примата до современного человека. Сила художественного воздействия сравнительно небольшого полотна поражала. Картхэллоу талантливо использовал творческий метод импрессионизма, при этом счастливо избежав примитивного преувеличения. Взгляд зрителя послушно следовал за автором из левого нижнего угла в правый верхний. Смелые цветовые пласты отражали стремление человечества к развитию; фигуры толпились, тесня друг друга в непреодолимом порыве жизненной силы. Главный смысл произведения заключался в том, что триумф человечества, достигшего вершины эволюционного древа, отягощен войнами, голодом, эпидемиями и жадностью. Издали фигуры выглядели благородными, однако при ближайшем рассмотрении оказывались гримасничающими скелетами, в чьих пустых глазницах таилось зло.

Несколько минут близкого общения с картиной повергали зрителя в шок, изображение отвратительно менялось, и будто распространяло ужасное зловоние склепа. Критики настойчиво просили Картхэллоу открыть тайну поразительной техники, но художник наотрез отказался обсуждать вопросы профессионального мастерства. «Рембрандт хранил свои секреты, – с достоинством отвечал он, – а я сохраняю свои».

В самом начале вечера Анита Лейн познакомила Мордекаю Тремейна с художником.

– Достойный джентльмен сгорает от желания пополнить тобой свою коллекцию, Адриан, – пояснила хозяйка.

Картхэллоу не сразу понял, о чем речь, однако через пару секунд лицо его озарилось догадкой.

– Тремейн? Вы – тот самый Мордекай Тремейн, который умеет оказаться в нужное время в нужном месте и гениально расследует убийства?

Мордекай Тремейн скромно пожал плечами и признался:

– Раз-другой действительно довелось задержаться там, где работала полиция. Ну, а газеты придали моей персоне широкую известность.

– Я заметил, – кивнул Картхэллоу.

– Заслуги были слегка преувеличены, – торопливо добавил Тремейн, решив, что скромность может показаться чрезмерной, а потому подозрительной. – Возникла тенденция пренебрегать ролью полиции, а ведь, как правило, именно детективы выполняют основную работу.

– Как только снова почувствуете излишек известности, немедленно сообщите, – сказал Картхэллоу. – Не скрою: для меня чужая слава – надежный источник процветания.

Художник производил впечатление законченного эгоиста. Тремейн с сожалением ощутил в себе ростки антипатии, однако благоразумно решил, что делать поспешные выводы недальновидно. Первое впечатление часто не соответствует действительности. Он задумчиво посмотрел на собеседника. Заметил длинный тонкий нос, редеющие волосы, нависающее над ремнем брюшко успешного человека. Художник любил нежиться в лучах славы и постоянно находиться в центре внимания, однако стремление к известности вовсе не означало, что по натуре он дурной, испорченный человек. Вероятно, на авансцену Адриана Картхэллоу толкало избытие творческой энергии.

– Даже самый умный из преступников рано или поздно оступается, – ответил Тремейн на вопрос собеседника относительно его хобби. – А если полиция заподозрит хотя бы самую мелкую нестыковку, увернуться уже никак не удастся.

– Следовательно, в идеальное преступление вы не верите? – уточнил Картхэллоу.

– Идеальным можно считать лишь то преступление, которое вообще не подвергается анализу, потому что как только полиция узнает о нем, безупречность моментально исчезает. Суть заключается в том, что никто не должен заподозрить, что совершено преступление.

– Понимаю вашу мысль, – произнес Картхэллоу едва ли не с сожалением. – Наверное, обидно совершить идеальное преступление и не иметь возможности гордиться им лишь потому, что отлично выполнил работу. Интересно, сколько оставшихся вне подозрения убийц разгуливают на свободе, мечтая рассказать миру о собственной гениальности?

– Надеюсь, немного, – поспешно заверил Тремейн.

Картхэллоу лукаво взглянул и посоветовал:

– Вам стоит последить за мной.

Тремейн с сомнением посмотрел поверх пенсне.

– Неужели хотите сказать, что обдумываете собственное идеальное преступление?

Художник улыбнулся:

– Не совсем. Но вам не дано предвидеть, когда мне суждено сыграть главную роль в одной из ваших детективных историй. Роль трупа. Множество людей терпеть меня не могут, а некоторые уже прямо заявляли, что воспользовались бы возможностью разделаться со мной. Хотелось бы надеяться, что кто-то, по-настоящему знающий свое дело, рано или поздно сумеет за меня отомстить!

Заявление прозвучало шутливо, однако оставило жутковатый осадок. На пару мгновений Тремейн вообразил, будто стоит возле могилы. Собравшись с духом и отогнав слабость, он продолжил разговор:

– Полагаю, художник неизбежно наживает врагов. Особенно если честно изображает то, что действительно видит. Но слова – еще не поступки. Люди часто говорят то, во что сами не верят.

– Наверное. – Картхэллоу снова улыбнулся и отвернулся в поисках очередной порции виски.

Продолжить дискуссию не удалось, поскольку художник вызывал всеобщий интерес и откровенно наслаждался популярностью.

Не исключено, что Мордекай Тремейн так и ушел бы с вечера с ощущением неприязни, если бы не одно обстоятельство – отношение Картхэллоу к жене. Он ни на секунду не забывал о ее присутствии, старательно обеспечивая ей внимание окружающих. Понять заботу не состав-

ляло труда, поскольку Хелен Картхэллоу оказалась весьма привлекательной особой. Хотя Мордекай Тремейн подумал, что предпочел бы видеть даму чуть менее оживленной, а смех ее слышать чуть более приглушенным. Но в то же время он трезво оценивал особенности собственного восприятия и признавал, что в некоторых вопросах старомоден. К тому же, беседа с миссис Картхэллоу, он вовсе не чувствовал, что общается с жесткой, черствой светской львицей. Излишне смелый макияж не скрывал глубокой женственности натуры.

В поисках темы для первого разговора Тремейн упомянул оперетту, которую посмотрел на прошлой неделе, и лицо собеседницы мгновенно вспыхнуло энтузиазмом. Сразу стало ясно, что тема интересует ее. Изящная стройная фигура приобрела новую живость, в темных глазах отразилась энергия, а бледные щеки порозовели, отчего кричаще алый цвет губ смягчился и почти утратил резкость.

Хелен Картхэллоу предстала другим человеком, и в результате к завершению вечера Мордекай Тремейн окончательно запутался в своих чувствах и не сумел составить определенное мнение о молодой даме. Не видел бы он миссис Картхэллоу в состоянии непосредственного детского восторга, не замутненного обычными взрослыми комплексами, то воспринял бы ее как пустое алчное существо, вписавшееся в мир богемы в роли веселой жены успешного художника, расточающего бессмысленные улыбки и фальшивые комплименты. А теперь возник вопрос: какая из двух женщин – настоящая Хелен Картхэллоу? Не являются ли алая помада и громкий смех средствами ее защиты?

Жена прославленного художника обречена на постоянное ревнивое внимание, вынуждена встречаться и мило общаться с людьми, с которыми в иных обстоятельствах не имела бы ничего общего. А если в глубине души она боялась этого мира и занимала оборонительную позицию?

Чтобы не утонуть окончательно в бесконечных версиях, Тремейн запретил себе искать ответы на неожиданно возникшие вопросы. В любом случае его романтично настроенная душа с радостью встретила предупредительность, проявленную Адрианом в отношении супруги. В то время как святость брака нередко катится под откос вместе с другими моральными ценностями, особенно приятно найти человека, прилюдно ухаживающего за собственной женой.

Прощаясь с хозяйкой дома, Мордекай Тремейн поделился своими впечатлениями. Выдержанное вино смягчило чувства, и мир предстал в преувеличенно сентиментальных красках. Анита Лейн взглянула на него с любопытством и сухо осведомилась:

– По-прежнему читаете «Романтические истории», Мордекай?

Несмотря на лирическое настроение, он уловил в голосе критическую ноту и уточнил:

– Что вы имеете в виду?

– Ничего особенного. Забудьте. Порой лучше витать в облаках.

Тремейну хотелось продолжить беседу, однако хозяйка уже отвернулась, чтобы поговорить с другими гостями, а в его блаженно-приподнятом состоянии все сомнения казались преувеличенными.

Глава 2

Возможно, это произошло потому, что Мордекай Тремейн часто вспоминал о художнике, а в последующие недели его имя попадало в поле зрения так много раз, словно было предназначено судьбой. Газеты печатали сообщения о выступлениях Адриана Картхэллоу на различных собраниях и встречах. Как правило, высказывания носили резкий, язвительный характер и вызвали недовольство определенной части общества, чем неизменно привлекали к себе внимание. Не возникало сомнений, что ради этого скандальные речи и произносились. В прессе появлялись фотографии Адриана Картхэллоу во время светских раутов – всегда рядом с очаровательной супругой.

Мордекай Тремейн заинтересовался. Начал читать все, что было написано о блестящей творческой карьере, проследил восхождение от картины к картине, начиная с того момента, восемь лет назад, когда неизвестный художник явился в Лондон с рулоном холстов под мышкой и начал упорное наступление на Королевскую академию искусств.

Игнорировать Картхэллоу было невозможно. В этом заключалось основополагающее свойство мощной натуры. Его картины вызывали бурные дискуссии, но их техническое совершенство не вызывало сомнений. Сразу укрепилось мнение, что мастер умел держать кисть и уверенно стоял на своем в публичных обсуждениях творческого метода того или иного художника. Эти качества позволили преодолеть антагонизм, который неизменно встречает новичка, стремящегося проникнуть в круг избранных и при этом не голодать на чердаке, умирая в печальной безвестности.

Во всяком случае, Картхэллоу никогда не признавался в том, что голодал, хотя его умения, несомненно, требовали долгих лет неустанного труда. Даже гений должен каким-то образом поддерживать свое физическое существование, пока творческий дух витает в облаках, а рука учится точно передавать тонкости замысла.

Неизвестно, где и как жил Адриан Картхэллоу, прежде чем из Парижа приехал в Лондон – центр мира, который твердо вознамерился завоевать. Говорят, он жил в Буэнос-Айресе, Чикаго и Бостоне. Кто-то слышал, как сам он однажды признался, что учился в Риме, у неизвестного широкой публике талантливого художника, в полной мере владевшего секретами Микеланджело и Тициана. Картхэллоу утверждал, будто подружился со стариком в последние, отягощенные бедностью годы, и оплатил лечение его дочери в швейцарском санатории. В знак благодарности мэтр поделился священными тайнами ремесла.

Версия представлялась чрезвычайно экспансивной, вполне соответствовала натуре Адриана и вызывала серьезные подозрения. Никто не мог доказать ее правдивость, но в то же время до сих пор не опроверг.

Постепенно, фрагмент за фрагментом, Мордекай Тремейн собрал историю жизни художника после приезда в Англию. Однако в то время еще ничто не предвещало грядущей драмы, где ему самому предстояло сыграть отнюдь не последнюю роль. Тремейну казалось, будто его действиями руководят исключительно любопытство и давняя привычка классифицировать человечество. Встречая новых людей, он неизменно стремился выяснить, кто они, откуда явились и чем занимаются.

Особый интерес представляли явления, так или иначе связанные с искусством. Неожиданно его внимание привлекла новость о визите в Англию бизнесмена Уоррена Белмонта. Богатый американский гость не должен был попасть в поле его зрения, но в данном случае тот приехал специально, чтобы вложить немалую сумму в различные произведения искусства, в том числе картины. Тремейн пытался понять, счел ли коллекционер работы Картхэллоу выгодной покупкой с точки зрения будущего или художник сумел убедить его в выдающихся достоинствах собственных произведений.

А вскоре разразился скандал с Кристиной Нил.

Шум вокруг «Триумфального марша человечества» начал стихать. Следовательно, настало время бросить в стоячую воду новый камень. Вне всякого сомнения, Адриан Картхэллоу безошибочно чувствовал, когда необходимо сделать следующий шаг.

Целую неделю газеты изо дня в день развивали пикантный сюжет. Внезапное исчезновение Кристины Нил; появление разгневанного отца в клубе, завсегдатаем которого считался Картхэллоу; откровенное интервью, данное художником на следующий день – все эти события оказались на первых полосах. Странно, что знакомые джентльмены выразили художнику определенную поддержку, хотя и считали Картхэллоу позером. Они заявили, что Кристина Нил вела себя неприлично: открыто преследовала его, а потому в полной мере заслужила правди-

вый портрет. И только она сама была виновата, что Картхэллоу изобразил ее такой, какой увидел.

Мордекай Тремейн узнал, причем встретил открытие со смешанными чувствами, что Адриан Картхэллоу завораживал женщин. Ради внимания кумира многие из поклонниц забывали себя; особенно отличались такие избалованные, пустые особы, как Кристина Нил.

Пока, разумеется, история в очередной раз повторяла хорошо знакомый сюжет. Талантливый художник, обладающий безмерной властью над женщинами и беспечно идущий своей дорогой, не замечая ни разбитых сердец, ни взбешенных мужей, представлял собой любимый образ плодовитых романистов. Однако Адриан Картхэллоу не вписывался в привычную схему. Дело в том, что готовые броситься к ногам впечатлительные особы ничуть его не привлекали. Репутация верного супруга оставалась безупречной. Ни единый скандал не запятнал его имени.

Мордекай Тремейн, чье мнение о художнике колебалось в зависимости от последних новостей, воспринимал данный факт с глубоким удовлетворением. Он помнил безупречное внимание Картхэллоу к жене, а потому с пониманием относился к недостаткам его характера и даже был готов признать наличие симпатии.

Зимние дожди сменились морозом; и вот, наконец, настал яркий, бодрящий март. Солнечным днем, когда Лондон казался особенно грязным и неухоженным, Мордекай Тремейн решил посетить Тауэр.

Сам визит прошел без особых происшествий. Как обычно, любознательный джентльмен с интересом осмотрел экспонаты музея, поскольку его живое сознание всегда оставалось открытым для восприятия атмосферы прошлых дней. Короткая прогулка по тропе Рейли, взгляд на зеленую поляну, где когда-то возвышалась виселица, помогали ему проникнуться историческим духом вековых камней. С сочувственной дрожью вспомнив несчастных узников, Тремейн прошел сквозь Ворота изменников, постоял возле Кровавой башни, а потом целый час бродил среди экспонатов, представленных в главном зале Белой башни.

Он покинул Тауэр с намерением прогуляться в направлении собора Святого Павла и на одной из узких, переполненных прохожими улочек в районе Монумена увидел Адриана Картхэллоу. Художник стоял у входа в переулочек, ведущий в лабиринт обшарпанных домов. Каждое из мрачных строений представлялось логовом порока, но на деле вполне могло оказаться совершенно безобидным, мирным жилищем бедняков. Картхэллоу разговаривал с неряшливо одетым человеком. Мордекай Тремейн, всегда готовый пополнить и без того богатую коллекцию странных типов, пригляделся к незнакомцу. Низенький, толстый, с абсолютно лысой и на удивление плоской головой, тот напоминал опытного рыночного носильщика, череп которого от долгих нагрузок принял наиболее подходящую форму.

Наверное, коротышка почувствовал на себе взгляд, он внезапно поднял голову и слегка подтолкнул собеседника локтем. Адриан резко обернулся и посмотрел на Тремейна.

Трудно точно сказать, что произошло потом. Мордекаю Тремейну показалось, будто Картхэллоу сделал испуганное, торопливое движение, и коротышка мгновенно растворился в темной глубине переулочка. Однако вполне могло случиться, что разговор и так уже закончился.

Тремейн не знал, вспомнит ли художник встречу на званом вечере, поскольку с тех пор прошло немало времени и случилось немало встреч. К тому же, вряд ли случайный знакомый мог вызвать особый интерес.

Однако Картхэллоу узнал Тремейна мгновенно, а приветствовал открыто и искренне, шагнув навстречу и протянув руку для пожатия.

– Уж не сыщик ли стоишь передо мной? Что привело вас в эти дикие края?

– Изучаю местное население, – ответил Мордекай Тремейн, стараясь соответствовать заданному тону. – С полным правом могу адресовать тот же вопрос вам!

– И получите тот же ответ, – парировал Картхэллоу. В его манере не было ни тени смущения или неловкости. – Ищу подходящие типажи, а потому нередко сюда забредаю. Чтобы

не потерять остроту восприятия, необходимо интересоваться, как живут другие особи. Да вы и сами наверняка это знаете.

– Да, – согласился Мордекай Тремейн, – я это знаю.

Они двинулись по узкому тротуару, не без труда прокладывая путь в плотной толпе. Картхэллоу был уверен и спокоен, нисколько не стесняясь недавнего разговора со странным типом из переулка. Более того, он пребывал в отличном расположении духа, с удовольствием указывал на достойных внимания обитателей квартала и здания – в равной степени проявляя знание местного населения и географии. Его острые комментарии оживляли прогулку.

– Видите вон того парня возле паба? Каким бы выразительным получился портрет! Большие уши, низкий лоб. Сразу видно, что произошел от обезьяны. Вот бы заполучить его в качестве модели!

Через несколько ярдов снова:

– Взгляните на этот ресторан! – величественным взмахом руки Картхэллоу едва не сбивал с ног встречного пешехода. – Крошечное заведение на углу. Если хотите увидеть жизнь во всей красе, лучшего места не найти. Хозяин – преступного вида испанец. Негодяй, каких мало. Называет себя Педро, но настоящее имя никому не известно. Если где-то и звучало, то только в Скотленд-Ярде. Я бы его изобразил, да боюсь: того и гляди обидится и горло перережет! Если когда-нибудь там окажетесь, сидите тихо, как Братец Кролик!

– А вы неплохо ориентируетесь в этих краях, – заметил Мордекай Тремейн.

Картхэллоу предпочел услышать в словах комплимент и широко улыбнулся.

– Нельзя постоянно сидеть в студии и только работать. Время от времени приходится выползть из норы и смотреть по сторонам, чтобы понимать, куда движется мир и какие люди в нем обитают.

Да, возможно, Адриан Картхэллоу был эгоистом, однако прогулка в его обществе щедро дарила впечатления, хотя и напоминала шествие по авансцене на глазах у собравшейся в зале публики. Даже в городе, взявшем за правило ничему не удивляться и считавшем необычное обычным, художник выделялся в толпе. Всю дорогу его преследовали любопытные взгляды. Попрошавшись, Мордекай Тремейн почувствовал себя так, будто только что выбрался из витрины шикарного магазина, и вздохнул с облегчением.

– Хотелось бы встречаться чаще, – сказал Картхэллоу, пожимая ему руку. – Попрошу Хелен пригласить вас, когда будем устраивать прием. Пока мы живем в городе, останемся здесь еще на некоторое время. Кстати, – добавил он, – вы собираетесь на следующей неделе на бал Содружества родственных искусств?

Не осмеливаясь признаться, что понятия не имеет ни о том, что родственные искусства – чем и кем бы они ни оказались – дают бал, ни о том, где он состоится, Тремейн ответил, что никуда не собирается. Картхэллоу искренне удивился:

– Неужели? В таком случае, обязательно пришлю вам пару билетов. Никак нельзя пропустить, мой дорогой. Самое безумное событие года!

Мордекай Тремейн с изумлением обнаружил, что протягивает визитную карточку, чтобы не произошло ошибки с адресом.

– Чрезвычайно любезно с вашей стороны... – начал он благодарить.

– Пустяки! – перебил Картхэллоу. – Это вы окажете любезность! Мне не хватает именно такого человека. Вероятно, когда-нибудь придется воспользоваться вашими профессиональными услугами!

Мордекай Тремейн счел знакомство достаточно близким, чтобы позволить себе рискованный вопрос:

– Вы об истории с Кристиной Нил?

К счастью, Картхэллоу не рассердился.

– Значит, вы читали об этой буре в стакане воды, – отозвался он с фальшивой скромностью и добавил: – Поистине, женщины – порождение дьявола.

Сентиментальная душа Тремейна заставила его добавить несколько оговорок столь безапелляционному заявлению, однако он мог понять позицию собеседника. Мужчина – охотник по природе, а потому с трудом воспринимает роль добычи.

Глава 3

На следующий день, после того как сон воздвиг барьер, за которым вчерашний инцидент предстал в более спокойном свете, Мордекай Тремейн пришел к выводу, что оказался свидетелем случайной встречи, закончившейся там же, где началась. Он застал художника в возбужденном состоянии, в свободном парении творческого духа. А сейчас тот уже наверняка забыл о своем обещании. Дату бала Содружества родственных искусств – а Тремейн уже навел справки и выяснил, что это одно из самых ярких светских событий в Челси, – можно со спокойной душой вычеркнуть из календаря.

Однако он ошибся. Через два дня обещанные билеты принесли вместе с короткой запиской. Картхэллоу сообщал, что мечтает о новой встрече. В следующую среду жена собирает друзей и будет счастлива, если мистер Тремейн примет участие в вечеринке. Мордекай Тремейн вспомнил, что в последний раз танцевал так давно, что даже забыл, танцевал ли вообще, он сделал несколько неловких шагов перед зеркалом, а затем позвонил Аните Лейн.

– Право, Мордекай, вы на глазах превращаетесь в галантного кавалера! – воскликнула польщенная дама. – У меня как раз выдался свободный вечер, и я с радостью составлю вам компанию. Хотя бы для того, – шаловливо добавила она, – чтобы увидеть, как вы отплясываете польку!

– Когда-то, – сдержанно парировал Тремейн, – я считался прекрасным танцором.

В трубке послышался веселый смех, и он ясно представил, как серые глаза Аниты Лейн лукаво заблестели.

– Seriously, Мордекай, – продолжила она, услышав, откуда явились билеты, – вы завоевали симпатию Адриана. А мне-то казалось, будто его интересуют исключительно люди типа Белмонта.

Имя показалось смутно знакомым.

– Белмонт?

– Уоррен Белмонт, – пояснила Анита. – Американский миллионер. Приехал, чтобы купить картины, а Адриан, разумеется, не собирается упускать столь ценную добычу.

Почему-то в памяти вдруг всплыли ее слова, сказанные при расставании в тот вечер, когда Картхэллоу был почетным гостем, и Тремейн проговорил:

– Анита, вы собирались что-то рассказать об Адриане Картхэллоу. Я восхитился его преданностью жене, а вы возразили, что я парю в облаках. Помните?

– Да, – ответила она, и голос утратил веселость. – Помню. Но что бы я ни собиралась поведать, лучше оставить это невысказанным. – Она помолчала и неожиданно спросила: – Вы к чему-то клоните, Мордекай?

– То есть?

– В отношении четы Картхэллоу.

– Разумеется, нет, – заверил Тремейн. – К чему я могу клонить?

– Ни к чему. До свидания, Мордекай. Очень мило с вашей стороны пригласить меня на бал.

Послышались гудки. Тремейн сидел, нахмурившись, и смотрел на трубку, которую все еще держал в руке. Анита не имела привычки говорить загадками. Так в чем же дело? Неприятно чувствовать себя одураченным: пообещала раскрыть секрет и передумала. Приличные

люди так не поступают. Надо будет обязательно побеседовать с Анитой на сей счет, причем серьезно.

Однако при очередной встрече появилось множество других тем для обсуждения. Бал Содружества родственных искусств оказался маскарадом. Тремейн поинтересовался, что Анита думает о костюмах королевы Елизаветы и графа Эссекса. В ответ та практически заявила, что Эссекс в пенсне будет смотреться довольно странно, и взамен предложила образы Пьеро и Пьеретты. Печально вздохнув, Тремейн принял справедливые возражения Аниты и отказался от мечты увидеть себя блестящим, пусть и неудачливым графом. Она упомянула только пенсне, однако попутно возник вопрос, выдержат ли его тонкие ноги испытание причудливым нарядом аристократа елизаветинской эпохи. Пожалуй, будет надежнее спрятать слабые икры под мешковатыми штанами Пьеро.

Адриан Картхэллоу отозвался о бале как о самом знаменательном событии года. Войдя об руку со своей спутницей в обширный зал, где уже начались торжества, Тремейн понял, что на сей раз художник не преувеличил разгул фантазии. Цыгане, адмиралы и фельдмаршалы, балерины, уличные торговцы и принцы кружились в танце под разноцветным дождем из конфетти, серпантина и воздушных шаров. По периметру зала двигалась процессия, явившаяся из фантастических глубин пьяного кошмара. Неестественно высокие мужчины с круглыми, гротескно раскрашенными лицами чопорно вышагивали среди странных существ, большинство которых напоминало результаты скрещивания драконов с динозаврами.

Атмосфера бала привела Мордекаю Тремейна в восторг. Он расцвел, как тропический цветок на солнце. Вряд ли, конечно, удастся встретить Картхэллоу в пестрой причудливой толпе, но почему бы не воспользоваться предоставленной художником счастливой возможностью повеселиться от души?

Через два часа, мысленно вознося благодарственную молитву за то, что просторные складки костюма Пьеро позволяли чувствовать себя свободнее, чем безжалостное обличие графа Эссекса, Мордекай Тремейн лавировал среди гостей, чтобы принести Аните освежающий напиток. Воздушный шар мягко отскочил от пенсне, отчего оптический прибор съехал на кончик носа еще более рискованно, чем обычно. Над головой нависло огромное лицо. Тремейн встретил взгляд нарисованных глаз и успел удивиться их человеческому выражению. Он ловко увернулся от опасного соседства, но в этот момент тучный шут с нелепым красным носом и колокольчиками на колпаке преградил ему путь и принялся греметь трещоткой.

– Что ты с ним сделал? – раздался над ухом ядовитый голос.

– С кем? – испуганно спросил Мордекай Тремейн.

– С покойником, – театрально прошептал шут, и стало ясно, что это Картхэллоу.

Художник схватил его за руку.

– Но моя дама... – успел беспомощно возразить Тремейн, прежде чем Картхэллоу увлек его за собой в неизвестном направлении.

К счастью, Анита Лейн стояла достаточно близко, чтобы увидеть, что произошло.

– Я сразу поняла, что это вы, Адриан, – со смехом призналась она. – Никто другой не смог бы предстать таким дервишем!

Бурная энергия Картхэллоу помогла им пробиться сквозь плотную массу экстравагантных созданий, и вскоре все трое оказались в противоположном конце зала, возле жены Картхэллоу.

– Я нашел того, кого искал! – объявил художник и отступил с гордым величием фокусника, достающего из цилиндра драгоценный приз.

Задыхающийся, мокрый от пота Мордекай Тремейн поправил пенсне и попытался принять достойный облик, с сожалением сознавая, что слишком давно живет на свете, чтобы прыгать по душному залу в костюме Пьеро. Однако Хелен Картхэллоу не усмотрела в его внешности ничего нелепого.

– Надеюсь, Адриан не похитил вас у друзей, – с улыбкой произнесла она. – Сегодня он от души веселится.

– В такой вечер можно простить все, – заверил Мордекай Тремейн. – Мы с Анитой надеялись встретить вас.

В этот восхитительный вечер красота Хелен сияла особенно ярко. Темное бархатное платье мерцало в свете хрустальных люстр и подчеркивало природную грацию движений. Крошечная черная маска скрывала верхнюю часть лица, ярко-красные губы и белая кожа выразительно контрастировали с нарядом.

Картхэллоу заметил искреннее восхищение Тремейна.

– Кто она?! – громогласно провозгласил он. – Пусть я шут, но та, чье лицо однажды заставило выйти в море тысячу кораблей, достойна иного титула!

Мордекай Тремейн задумался, однако изнуренное возбуждением и двухчасовыми усилиями сознание отказывалось определить образ, воплощенный супругой художника. Единственное пришедшее на ум имя – Елена Троянская – казалось слишком очевидным.

– Намек, мой дорогой! – воскликнул Картхэллоу. – Я же дал подсказку!

Мордекай Тремейн растерянно молчал, и тогда художник триумфально объявил:

– Смуглая дама сонетов – вот кто стоит перед вами!

Красные губы под черной атласной маской сложились в улыбку.

– Не обижайтесь на Адриана, – попросила Хелен Картхэллоу. – Шутовской колпак и бубенцы все объясняют и оправдывают.

– Таинственная дама Шекспира, – продолжил Картхэллоу, обращаясь скорее в пространство, чтобы насладиться звучанием слов, чем адресуя послание собеседникам. – Незнакомка из неведомых далей, вдохновившая гения на постижение высот. Разве кто-нибудь способен назвать ее имя, определить мысли, перечислить любовников?

На мгновение Тремейну показалось, будто на его глазах происходит нечто невероятное. Лицо шута предстало безжалостной сатирической маской, мрачная красота Хелен Картхэллоу обрела черты настороженности, а темные глаза в прорезях маски взглянули с выражением мучительного ожидания. Разумеется, видение было лишь абсурдной фантазией: вот муж взял жену под руку, и та улыбнулась. Они стояли рядом и сияли, как юные любовники.

Аниту Лейн связывало с Хелен Картхэллоу близкое знакомство, и скоро дамы погрузились в легкую беседу, которая неизбежно возникает между людьми, не нуждающимися в представлении. Картхэллоу посмотрел на обеих с преувеличенным смирением и повел Тремейна в сторону бара. Продолжение вечера явилось Тремейну в розовом тумане, изредка нарушаемом вспышками энергии, во время которых он пытался танцевать в плотной толпе, напоминавшей о праздновании великой победы.

Он проводил домой Аниту, в ужасе вздрагивавшую от мысли о предстоящем всего через несколько часов утреннем просмотре кинофильма. И наконец добрался до постели. Вечер вспоминался сверкающим смерчем из серпантина, воздушных шаров и фантасмагорических фигур. В сплошной пестрой массе выделялись лишь отдельные странные образы. Адриан Картхэллоу в шутовском колпаке с бубенцами, отплясывающий, словно школьник. Разгоряченное, полное энергии лицо Аниты Лейн. Роберта Ферхэм, осыпаящая присутствующих пестрым конфетти из сумки почтальона.

Картхэллоу представил мисс Ферхэм – некрасивую девушку с волосами мышиного цвета, чьи невыразительные черты никак не удавалось запомнить. Она нарядилась почтальоном, а в сумке якобы лежали письма. Сомнительно, что в бешеном круговороте бала Мордекай Тремейн вообще обратил бы на нее внимание, если бы не открытое обожание, с которым бледные глаза смотрели на Адриана Картхэллоу. С подобным поклонением созерцают божество. Художник многозначительно взглянул на Тремейна и пожал плечами.

Итак, Роберта Ферхэм входила в когорту женщин, готовых пасть к ногам Картхэллоу. Став свидетелем нескрываемого поклонения, Мордекай Тремейн проникся сочувствием к объекту страсти. Публичное преследование доставляет неудобства даже самому тщеславному человеку, готовому принять лесть и низкопоклонство.

Внешне мисс Ферхэм не принадлежала к типу женщин-охотниц. Ее трудно было назвать сиреной, сладкой песней увлекающей впечатлительного героя в неодолимые заколдованные волны, прочь от законной жены. Ее откровенное благоговение прикрывалось вуалью скромности. Роберта восхищалась издалека и возводила дворец мечты, полагаясь на редкие случайные взгляды, брошенные кумиром в бесконечной мудрости и доброте.

Хелен Картхэллоу не могла не замечать происходящего, однако виду не подавала. Держалась естественно и дружелюбно, без малейшего намека на превосходство и обладание желанным сокровищем. Несомненно, она заставила себя смириться с необузданным вниманием к супругу со стороны женщин и привыкла философски принимать то, что нельзя исправить. В конце концов, жена, уверенная в любви и преданности мужа, может позволить себе роскошь терпимости в отношении не столь удачливых соперниц.

Наверное, постоянные мысли о Хелен Картхэллоу обусловили то обстоятельство, что последний из инцидентов счастливого, хотя и туманного вечера был связан именно с ней.

Адриан Картхэллоу танцевал с Анитой Лейн. Супруга пожелала отдохнуть от пестрого вихря, Мордекай Тремейн проводил ее в более спокойный уголок, присел рядом и завел неспешную беседу. Внезапно прикрытый черной атласной маской взгляд оживился, и стало ясно, что внимание собеседницы переключилось на иной объект. Мимо проплывал в танце цыган. Высокий и стройный, он двигался легко, выделяясь в толпе мускулистой грацией. Поверх плеча партнерши цыган вызывающе открыто, в упор смотрел на Хелен. Мордекай Тремейн увидел, как взгляды встретились на тот самый миг, который называют бесконечным. Двое молодых людей молча общались через разделяющий их мир. Женщина в струящемся темном платье, оттенившем контраст белой кожи и алых губ, и красивый, полный сил, уверенный в себе мужчина.

В этот момент Мордекай Тремейн понял, что на сегодня впечатлений достаточно. «Романтические истории» дополняют недостающие краски.

Глава 4

Через пару дней Хелен Картхэллоу прислала любезное приглашение на вечер: они с мужем собирали друзей. Чувствуя, как превращается в записного светского болтуна и дамского угодника, Мордекай Тремейн отправил ответную записку с благодарностью и обещанием явиться. Глядя в зеркало, он с недоумением спросил себя, тот ли это человек, который еще недавно изо дня в день часами стоял за прилавком магазина и усердно снабжал покупателей сигаретами и трубочным табаком, не подозревая, как много интересных событий происходит в мире.

Однако Мордекай Тремейн сознавал, что, рассуждая подобным образом, несправедливо относится как к самому себе, так и к собственному прошлому. Сыщиком-любителем он стал исключительно потому, что всегда понимал, как богата жизнь разнообразием, не поддающимся измерению унциями табачной смеси «Империя» или пачками сигарет по двадцать штук в каждой. А сегодняшнее приглашение в дом Адриана Картхэллоу стало прямым следствием плодотворного участия в раскрытии преступлений. Мордекай Тремейн не сомневался, что если бы не прочно утвердившаяся репутация надежного, никогда не ошибавшегося детектива, знаменитый художник не обратил бы на него внимания.

В последние несколько недель тема убийств отошла на второй план. Тремейн не интересовался новыми примерами склонности человечества уничтожать себе подобных с помощью

огнестрельного и холодного оружия, ядов или тяжелых тупых предметов. И он был этому рад. Было время, когда мысль о непосредственном участии в раскрытии преступлений вместо чтения газетных отчетов заставляла сердце биться быстрее. Теперь же стало ясно, что процесс расследования вовсе не ограничивается решением увлекательной логической задачи. Реальное убийство – в отличие от описания на печатной странице – неизменно выглядит печальным, грязным и отвратительным.

Всегда существует жертва – настоящий, еще недавно живой человек, а не абстрактное имя. Есть преступник, за время расследования успевший стать хорошо знакомым, а порой и приятелем. Тем тяжелее воспринимается необходимость клеймить огненной печатью вины больную, израненную душу. Открыв страшную правду, приходится торопливо через нее переступить и изо всех сил пытаться забыть, пока ужас не поработил волю.

Легко жить, никого не выслеживая, не думая о том, что убийца понимает твои действия и с затаенным в сердце страхом, с плохо скрытой ненавистью наблюдает, приближаешься ли ты к правде или нет. Приятно иметь возможность отправиться на бал и в дом знаменитого художника Адриана Картхэллоу без утомительной мысли о неизбежности рокового момента обвинения, когда придется отбросить притворство и призвать на помощь устрашающие атрибуты закона.

В гостях у Картхэллоу было множество незнакомых Тремейну людей, и поначалу он даже усомнился, следовало ли здесь появляться. Однако опасения оказались напрасными. Картхэллоу предпринял все, чтобы гость не страдал от одиночества.

Дом приятно удивил богатой обстановкой. Мордекай Тремейн сделал вывод о значительных гонорарах и подумал, что быть успешным художником чрезвычайно приятно. Несколько авторских этюдов украшали стены. Большею частью – пейзажи Корнуолла. Восхищенный необузданной красотой моря и скал, Тремейн не смог удержаться от расспросов.

– Здесь изображено побережье в окрестностях Фалпорта, – пояснил Картхэллоу. – Обычно мы с Хелен проводим там несколько летних месяцев – в своем доме неподалеку от города.

Он подождал, будто предполагая услышать комментарий, однако Мордекай Тремейн еще не знал о существовании особняка «Парадиз», а потому промолчал. То ли почувствовав искренний интерес к своему творчеству, то ли по каким-то неясным личным причинам Картхэллоу неожиданно разоткровенничался. На несколько минут он покинул гостей и повел Тремейна в студию – огромную светлую комнату, занимавшую почти весь верхний этаж.

Мордекай Тремейн восхищенно рассматривал расставленные вдоль стен полотна, мольберты и различные инструменты, необходимые в ремесле художника: кисти, палитры, краски, масла, лаки. На столе возле окна беспорядочно теснились пастельные наброски. В дальнем конце комнаты возвышался подиум с креслом для моделей. Мордекай Тремейн вздохнул.

– Вероятно, творчество приносит огромное удовлетворение, – заметил он. – Как важно сознавать, что если бы не собственное усердие, мастерство и талант, произведение искусства не появилось бы на свет.

– К сожалению, так случается далеко не всегда, – возразил Картхэллоу. – Бывает, спрашиваешь себя, не напрасно ли вообще взялся за работу!

Однако в голосе его не слышалось правды. Вместо искренности звучало странное торжество. Мордекай Тремейн прошелся по студии. Некоторые картины были закончены, другие явно требовали внимания и усилий. Он вспомнил о недавно покинувшем эти стены провокационном портрете Кристины Нил и раздумывал, как лучше задать вопрос. В итоге начал изда-лека:

– Выбрав тему нового произведения – например, образ для портрета, – каким способом вы приступаете к работе? Составляете ли заранее конкретный план или дожидаетесь начала сеансов и пишете только то, что видите в данный момент?

Картхэллоу нахмурился и, словно позируя, остановился в центре мастерской – в самой светлой точке пространства.

– Я пытаюсь изобразить те черты характера, какие кажутся мне типичными. Разные люди несут различное настроение. Важно поймать доминирующее впечатление и вывести его на том фоне, который особенно ярко представит необходимые грани образа.

Мордекай Тремейн с понимающим видом кивнул, в то же время мысленно стараясь перевести сказанное на обычный язык и применить к портрету Кристины Нил. Картхэллоу написал эту картину с определенной целью, полагая, что передает на холсте правду жизни так, как видит. Но видел он особую правду, потому что сам был особым человеком.

– Насколько я могу судить, – произнес Тремейн, – вы пишете не для того, чтобы запечатлеть внешний образ, который способна увидеть фотокамера, а стараясь передать индивидуальность человека?

– Я всегда работаю с желанием увидеть в глазах модели душу и, словно булавкой, приколоть ее к холсту, – ответил Картхэллоу. Фраза ему понравилась, потому что он с удовольствием повторил и подчеркнул: – Да, приколоть душу к холсту. Вот в чем заключается истинное призвание художника!

– Искренне завидую вам, – подхватил Мордекай Тремейн, мгновенно поймав волну высокого стиля, – ведь вы обладаете даром бессмертия! После вашего ухода произведения продолжат собственную жизнь!

Однако вместо того, чтобы поднять художника на новые лирические высоты, вдохновенный пассаж возымел обратное действие.

– Звучит омерзительно! – воскликнул Картхэллоу. – Уверяю вас: работая красками на дереве, холсте или каким-то иным подобным способом, бессмертия не достичь. В масштабе веков картины не хранятся. Если бы, например, Рейнольдс предвидел, что многие из его произведений потрескаются, сотрутся или почернеют, то обращался бы с лаком намного аккуратнее!

– По крайней мере, – заметил Мордекай Тремейн в попытке восстановить утраченные позиции, – вы получаете удовлетворение в достойной оценке при жизни. Вы уже познали успех!

Лицо Адриана Картхэллоу приняло выражение человека, всеми силами хранящего дорогой сердцу секрет.

– Я не похож на вашего идеального убийцу, правда? – произнес он, улыбнувшись. – Мне не приходится скрывать только что созданный шедевр!

Они вышли из студии. Спускаясь по лестнице, хозяин продолжил:

– Всегда сочувствовал несчастным обманщикам вроде Томаса Чаттертона¹. Юноша вложил в стихи всю душу и огромный талант, а потом не имел возможности назвать их своими, поскольку таким образом признал бы подлог. Бедняга умирал с голоду на чердаке, хотя должен был по праву купаться в золоте и называться гением!

Мордекай Тремейн растерялся. В аргументации Картхэллоу он явственно ощущал логический сбой, но пока не мог объяснить, в чем конкретно заключалось несоответствие. Снова возникло горькое чувство пустоты, испытанное в тот момент, когда Анита Лейн отказалась продолжить беседу и внезапно повесила телефонную трубку. Вероятно, причиной разочарования послужила прозвучавшая в голосе художника особая, не поддающаяся определению нота.

Прежде чем удалось упорядочить мысли, хозяин и гость вернулись вниз, где продолжалась вечеринка. Войдя в комнату, Мордекай Тремейн сразу обратил внимание на перемену общего настроения. Вместо гула голосов, звона бокалов и брэнчания фортепиано, составлявших звуковой фон в ту минуту, когда они с Картхэллоу покидали гостиную, сейчас здесь царил

¹ Томас Чаттертон – английский поэт. В 16 лет совершил дерзкую мистификацию: создал манускрипты выдуманного поэта XV века – Томаса Роум. Стихи получили высокую оценку, но никто не поверил в авторство Чаттертона, и он умер в бедности. – (Здесь и далее примеч. пер.).

неестественная тишина. Все взгляды сосредоточились на хозяйке. Хелен Картхэллоу разговаривала с седым джентльменом, чьи плечи сохранили военную выправку, а фигура осталась статной, несмотря на зрелый возраст.

Едва они вошли, Хелен непроизвольно вздрогнула. Седовласый джентльмен заметил движение и быстро обернулся.

– Адриан... – заговорила миссис Картхэллоу.

В ее голосе послышалось страдание. На лице художника появилось едкое, саркастичное выражение.

– Не ожидал подобного удовольствия, полковник.

Почтенный джентльмен шагнул ему навстречу. Никто не успел остановить его.

– Грязный подлец!

Кулак точно попал в челюсть. От удара Картхэллоу потерял равновесие и попятился к стене. В уголке рта показалась тонкая струйка крови. Полковник явно собирался продолжить избиение, но двое из гостей уже опомнились и схватили его за руки. Картхэллоу достал из кармана белоснежный платок, вытер кровь и лаконично распорядился:

– Отпустите его!

Мужчины неохотно подчинились. Мордекай Тремейн ожидал, что агрессивный незнакомец снова набросится с кулаками, однако тот застыл перед жертвой с лютой ненавистью во взгляде.

– Вы ведете себя глупо, полковник, – спокойно заявил Картхэллоу. – Подобные поступки никогда не приносят пользы.

– Полагаю, вы не готовы уладить дело, как подобает джентльмену? – ледяным тоном осведомился незваный гость.

– На пистолетах? – уточнил Картхэллоу и презрительно усмехнулся. – Не говорите ерунды! Мы не в восемнадцатом веке и не во Франции. А если имеете в виду кулаки, то я вас разделаю всмятку. В свое время я прилежно занимался боксом; к тому же, гораздо моложе.

Мордекай Тремейн стоял и смотрел на отца Кристины Нил. Вмешиваться в ссору не имело смысла: разбираться с оскорбленным в лучших чувствах противником предстояло самому Адриану Картхэллоу.

Полковник Нил вызывал жалость. Не составляло труда понять мотив, побудивший почтенного пожилого человека ворваться в дом художника, выставившего на посмешище его дочь, каким бы наивным и глупым ни выглядел поступок.

Картхэллоу немного подумал и произнес:

– Разумеется, вы понимаете, полковник, что подобным поведением навлекаете на себя судебное преследование. Но я не испытываю желаний зарабатывать на вас капитал. Если немедленно уйдете, то готов отказаться от иска.

Полковник Нил молчал. Лицо в полной мере сохранило выражение ненависти, но сейчас он смотрел на врага так, словно сообразил, что попал в унижительную ситуацию, а попытка продолжить наступление закончится позорной дракой. Наконец Нил повернулся, посмотрел на Хелен и с подчеркнутой вежливостью сказал:

– Приношу свои извинения, миссис Картхэллоу.

Ответа не последовало, и в напряженной тишине полковник бесславно покинул гостиную. Молчание длилось несколько секунд – до того момента, как Адриан Картхэллоу приблизился к жене и, словно ничего не случилось, улыбнулся.

– Почему бы тебе не поиграть для нас, дорогая? – предложил он.

Хелен без возражений села за фортепиано. Если не считать легкого румянца, инцидент не произвел на нее впечатления. Длинные тонкие пальцы коснулись клавиш. Светлую грусть Моцарта, ностальгическую печаль Шопена сменила эльфийская меланхолия Грига.

Мордекай Тремейн с наслаждением погрузился в музыку и ощутил острое раздражение, когда нарастающий гул голосов заставил Хелен остановиться. Захотелось встать и открыто осудить дурные манеры гостей, но он понимал, что хозяйка не обиделась, удовлетворившись тем, что исполнила желание мужа и разрядила неловкость, возникшую после устроенной полковником безобразной сцены.

Однако приятная атмосфера вечера уже не восстановилась. Несмотря на попытки Картхэллоу сгладить впечатление, стычка оказалась слишком интригующей и послужила щедрым источником обсуждения для небольших групп, на которые постепенно распалось богемное общество.

Мордекай Тремейн решил найти наиболее безопасную тему для разговора.

– Интересно, что заставляет людей покупать картины? – начал он. – Например, недавно в Лондон приехал американский миллионер Уоррен Белмонт. Что им движет: чистая любовь к искусству или сомнительное понятие, что богатство обязывает иметь в доме картины признанных мастеров?

Но Адриан Картхэллоу не захотел развивать многообещающую тему.

– Белмонт? Не знаю такого.

Он отошел, оставив гостя переживать ощущение очевидного промаха.

Жалость к полковнику Нилу, поступившему, как любящий отец, соседствовала с мыслью о дипломатическом даре Картхэллоу: хозяин дома удачно выкрутился из весьма затруднительного положения. Удар был нешуточным, и художник имел полное право ответить тем же. Заметная полнота не скрывала того очевидного факта, что он значительно превосходил пожилого полковника в силе и мог без труда сбить того с ног.

Картхэллоу проявил великодушие, чем моментально обезоружил недоброжелателей, осуждавших портрет Кристины Нил и утверждавших, будто автор искал лишь легкой славы. Ответ он на нападение полковника, и в немедленной известности можно было бы не сомневаться: об этом наверняка позаботились бы газеты. Однако Адриан не воспользовался шансом и позволил инциденту пройти незамеченным.

На следующий день, встретившись с Анитой Лейн, Тремейн поднял тему благородного забвения и был удивлен цинизмом ответа.

– Возможно, – предположила многоопытная особа, – Адриан поступил так, зная, что сплетни все равно распространятся. Решил притвориться, что подставил вторую щеку, и явиться публике в выгодном свете.

Мордекай Тремейн взглянул на нее едва ли не с отчаянием. Неудачи и разочарования в суровом мире так и не смогли убедить его, что человеческой натуре свойственны извилистые черные глубины.

– Не хотите же вы сказать, что Картхэллоу с самого начала собирался передать историю газетам?! – воскликнул он.

– Зачем ему об этом беспокоиться? – усмехнулась Анита. – Многие из вчерашних гостей почтут за счастье увидеть скандал на первых полосах. Адриан Картхэллоу далеко не глуп и прекрасно сознает это.

Мордекай Тремейн попытался убедить себя, что долгий опыт театрального критика сделал Аниту Лейн столь же подозрительной, сколь и циничной, однако задушить крошечного червячка сомнения ему так и не удалось. Действительно ли Картхэллоу просто играл роль? Неужели он постоянно думал о газетах?

Он решил прояснить одно озадачившее обстоятельство.

– Кстати, Анита, вы же сказали, что Картхэллоу не упустит возможности встретиться с Белмонтом. Разве не так?

– В ином случае это будет не настоящий Адриан. Вряд ли они уже знакомы лично, но можно поспорить, что наш приятель отлично осведомлен о целях приезда миллионера и свернет горы, чтобы обратить на себя внимание.

– Неужели?

– Да. Но что за таинственные намеки?

Мордекай Тремейн махнул рукой:

– Ничего особенного. Пустяки, не обращайтесь внимания.

И все же это не полностью соответствовало истине. Да, он понимал, что ответ Картхэллоу – банальная отговорка. Погруженный в мысли о недавней стычке с полковником, художник не был расположен к доверительной беседе. Скорее всего просто не обратил внимания на вопрос или даже не расслышал его. Мордекай Тремейн сознавал, что возможны десятки объяснений стойкого нежелания обсуждать приезд Белмонта.

Однако данное обстоятельство озадачивало.

Глава 5

Через два дня после вечеринки в доме Адриана Картхэллоу Тремейну позвонил Джонатан Бойс. Хотя встречи с детективом Скотленд-Ярда носили случайный характер – Бойс получил должность старшего инспектора и редко был свободен от служебных обязанностей, – джентльмены поддерживали теплые отношения. Зная всепоглощающий интерес приятеля к явлениям криминального мира, Бойс нередко рассказывал о делах, над которыми работал.

Они отлично понимали друг друга. Между коренастым, суровым, немногословным сотрудником уголовной полиции и с виду мягким, скромным пенсионером, когда-то торговавшим табаком, возникло взаимное доверие. Под надежным руководством Бойса Тремейн открыл для себя странные, потаенные уголки преступного мира. Его знания накапливались быстро, а вместе с ними возрастал и аппетит. Те из случайных знакомых, кто видел в благодушном разговорчивом джентльмене лишь немолодого романтика, немало удивились бы, узнав, как много кровавых историй хранит его память.

В этот раз Джонатан Бойс вел расследование, требовавшее посетить некое заведение в Уэст-Энде, где, по слухам, шла крупная игра. Старший инспектор планировал явиться туда в качестве частного лица и интересовался, не желает ли Мордекай Тремейн составить ему компанию.

Разумеется, предложение было с восторгом принято. Тремейн давно мечтал посетить игорный притон, а потому, пусть не без внутренней дрожи при мысли о средоточии беззакония, в условленный час встретился с Бойсом в условленном месте.

Первым впечатлением стало глубокое разочарование. Мордекай Тремейн ожидал увидеть подвал, отгороженный от мира несколькими массивными дверьми и заполненный мрачного вида личностями, с подозрением озирающими каждого незнакомца. А вместо этого почтенного вида швейцар, которого невозможно было ассоциировать с занятиями, не принятыми в светских кругах, пригласил войти в прекрасно обставленный, безупречно декорированный, просторный и светлый особняк.

Если здесь и существовал какой-то контроль, то Джонатан Бойс заранее принял необходимые меры, поскольку никаких вопросов не возникло. Единственной уступкой условностям стала необходимость миновать дверь в главную комнату, где вершились серьезные дела. Здесь охранник проводил более внимательный досмотр, хотя действовал с вежливостью дежурного администратора магазина, угождающего высоко ценимому покупателю.

Бойс предъявил карточку, и дверь распахнулась.

Мордекай Тремейн шепотом осведомился:

– Полагаю, они не знают, кто ты на самом деле?

– Надеюсь, что нет, – так же тихо ответил старший инспектор. – Сделал все возможное, чтобы предотвратить нежелательные эксцессы.

Тремейну не удалось подавить подозрение, что спутник преувеличивает опасность. Трудно было представить, что в этой длинной тихой комнате, напоминавшей гостиную дорогого привилегированного клуба, могло произойти нечто неприглядное.

Общество состояло исключительно из мужчин. Группы джентльменов рассредоточились по залу: некоторые сидели, другие стояли. Все вели себя с достоинством, идущим вразрез с ошибочными представлениями Тремейна.

Самая многочисленная группа окружала центральный стол. Подойдя ближе, Тремейн увидел колесо рулетки. Судя по высоким стопкам разноцветных фишек возле каждого из игроков, со ставками здесь не скромничали.

Мордекай Тремейн переводил любопытный взгляд с одного лица на другое, пытаясь понять тип людей, готовых доверить собственное финансовое благополучие слепой фортуне – разумеется, при условии, что колесо не подверглось искусной балансировке, позволяющей крупье заранее решить, кому достанется победная сумма.

В этот момент он и увидел Адриана Картхэллоу.

Художник неотрывно следил за вращением колеса. На столе перед ним лежала маленькая горка фишек. Напряженное выражение лица доказывало, что за время игры их количество заметно сократилось.

Наконец колесо замерло. Тремейн стоял далеко и не слышал слов крупье, однако одного взгляда на Картхэллоу хватило, чтобы понять, что случилось худшее.

Яростным движением он толкнул оставшиеся фишки на другое число. Партнер что-то сказал. Пару мгновений Картхэллоу сохранял мрачное выражение, а потом, кажется, понял, что выдает себя, и с усилием улыбнулся. Партнер придвинул ему свои фишки.

Эти двое явно находились в близких отношениях. Человек держался не как незнакомец, по велению души проявивший неожиданную щедрость, а как давний друг, не нуждавшийся в объяснениях.

Мордекай Тремейн пристально посмотрел на благодетеля, тем более что такую внешность трудно было оставить без внимания или забыть. Перед ним стоял крупный, широкоплечий мужчина со светлыми волосами и тщательно подстриженной, блестящей в свете ламп шелковистой бородкой-эспаньолкой. Густой, глубокий смех выдавал человека, любившего жизнь и спешившего жить.

До сих пор сосредоточенный на игре Картхэллоу ни разу не оторвал глаз от стола. Но сейчас, когда колесо снова завертелось, он поднял голову и уперся взглядом в Тремейна.

Мордекай широко улыбнулся, полагая, что художник его узнал, и ожидая хотя бы приветственного жеста.

Однако улыбка тут же растаяла, а приветствия – ни молчаливого, ни словесного – так и не последовало. Картхэллоу смотрел на него, как на незнакомца. Точнее, с более глубоким посланием, чем то, которое адресуют постороннему наблюдателю. В выражении лица читалось едва ли не возмущение.

Взгляды скрестились лишь на пару мгновений, а потом Картхэллоу снова посмотрел на стол и что-то сказал светловолосому спутнику.

Джонатан Бойс заметил немую сцену и тихо осведомился:

– Кто-то знакомый?

Мордекай Тремейн кивнул:

– Тот, кого я считал знакомым.

Бойс посмотрела на него с любопытством, однако новых вопросов задавать не стал. Ему предстояло сделать свои наблюдения. Кроме того, старший инспектор не сомневался, что если действительно происходило нечто важное, рано или поздно Мордекай Тремейн непременно

поставит его в известность. Он купил горсть фишек и присоединился к игрокам. Из-за его плеча Тремейн наблюдал за вращением колеса, несущим надежду и страх. Он догадывался, что Джонатан Бойс изображает участие, желая оправдать собственное присутствие в казино.

Чтобы у Картхэллоу не сложилось впечатления, что за ним следят, Мордекай Тремейн старался как можно дольше не смотреть на противоположную сторону стола. А когда наконец осмелился взглянуть, художника уже не было. Исчез и его приятель. Наверное, оба покинули зал вскоре после их с Бойсом появления.

Исчезновение показалось странным, особенно если учесть, что Картхэллоу намеренно проигнорировал не просто знакомого, но человека, которого не так давно принимал в своем доме в качестве гостя. Впрочем, не исключено, что художника не устроило место встречи, и таким примитивным способом он попытался избежать дальнейших обсуждений.

Джонатан Бойс задержался за столом ненадолго. Через десять минут старший инспектор демонстративно посмотрел на часы, издал неопределенный возглас и поспешно собрал оставшиеся фишки. Мордекай Тремейн понял намек и дипломатично отошел в сторону, чтобы дожидаться, когда приятель получит деньги и направится к выходу.

Охранник окинул обоих подозрительным взглядом.

– Уже уходите, сэр? – небрежно осведомился он, обращаясь к Бойсу.

– К сожалению, пора. Вспомнил, что назначил деловую встречу. Такая досада!

Мордекай Тремейн поправил пенсне. Пальцы дрожали, в горле пересохло. Пришлось признать, что самые суровые аспекты детективной работы ему не по силам.

Выйдя на улицу, оба долго молчали и с удовольствием вдыхали прохладный вечерний воздух. Лишь на расстоянии квартала от игорного дома Бойс заговорил:

– Итак, Мордекай, что вы об этом думаете?

– Рад вырваться на свободу, – признался Тремейн. – Возможно, потому, что малодушно поддался зловещим ожиданиям. На самом деле оказалось не страшнее, чем на обычном светском приеме.

– До тех пор, пока посетитель покорно тратит деньги и не создает проблем, обстановка остается вполне мирной, – согласился инспектор. – Иначе просто нельзя: люди перестанут приходить. Кстати, – добавил он с любопытством, – что за знакомого вы встретили?

Мордекай Тремейн сдержанно ответил:

– Адриана Картхэллоу. Художника. Кажется, встреча не слишком обрадовала его.

– Правда? Сам Картхэллоу снизошел до казино? Что ж, половина собравшихся в зале игроков – уважаемые светские персонажи, и никто из них не захочет увидеть свое имя в скандальной статейке. Удивительно, насколько живуче стремление сохранить респектабельность в глазах соседей. Наверное, в этом отношении Картхэллоу похож на остальных: испугался, что его обличат в пороке, и без того известном большинству друзей.

Ложась спать, Мордекай Тремейн попытался убедить себя, что Бойс прав и странность поведения Картхэллоу объяснялась именно смущением и неловкостью. И все-таки разум отказывался принимать незамысловатое, успокаивающее объяснение. Не выходило из памяти нежелание художника говорить об Уоррене Белмонте. Возникали какие-то смутные сомнения. Хотелось понять, что пытается скрыть Картхэллоу.

Мордекай Тремейн сказал себе, что малодушно поддается разгулу воображения, взял с тумбочки свежий номер «Романтических историй» и углубился в очередное согревающее душу повествование.

Рассказ оказался превосходным – отлично написанный и с оригинальным сюжетом. По всем правилам чтение должно было успокоить и навеять легкий приятный сон. Однако на сей раз испытанный прием не подействовал. Тремейн отложил журнал с рассказом под оригинальным названием «Поцелуй же меня, дорогой» и выключил свет. Он откинулся на подушки и посмотрел в темноту. Его тревожило настойчивое, не желавшее отступить воспоминание: услы-

шав имя Уоррена Белмонта, Картхэллоу испугался. Что при здравом рассуждении выглядело абсурдом.

Мордекай Тремейн вздохнул, повернулся на бок и строго приказал себе уснуть.

Глава 6

Так совпало, что имя Уоррена Белмонта наутро вновь появилось в газетах. Миллионер вернулся в Нью-Йорк, где сразу дал интервью и похвастался добытыми в Европе трофеями. В Париже он купил драгоценный гобелен, в Риме приобрел мраморную статую, во Флоренции отыскал шедевр ювелирного искусства в виде золотой крестильной чаши. В Англии добыл полотно великого Гейнсборо из коллекции графа Харсли, а затем, после продолжительных переговоров с владельцем – обедневшим аристократом – получил доселе неизвестное произведение Рейнольдса. Непременным условием сделки продавец назвал сохранение в тайне собственного имени.

Успев расстаться с самыми дорогостоящими из сокровищ, наследники громких титулов все еще владели запасами ценных артефактов, и конечно, картина Рейнольдса представляла значительный интерес. Нью-йоркские корреспонденты лондонских газет, специализирующиеся на светских новостях и разного рода сплетнях, сочли новость достойной сообщения через океан.

Мордекай Тремейн сложил газету, обратил внимание на заглянувшее в окно весеннее солнце и неожиданно для самого себя решил навестить в Национальную галерею. Ввиду обострившегося в последнее время интереса к художественному миру он решил освежить впечатления, тем более что давно не бывал в храме искусств. Разумеется, Тремейн не предполагал, что внезапно принятое решение вскоре приобретет особый смысл, и не подозревал, что судьба вновь руководит мыслями и поступками.

Мордекай Тремейн медленно переходил из зала в зал, прилежно рассматривая экспонаты, и с гордостью полагал, что производит впечатление если не глубокого знатока, то во всяком случае опытного ценителя изобразительного искусства. Итальянские мастера с их склонностью к сложным линиям и неперемennomу религиозному фону слегка утомляли, в то время как строгое изящество голландской школы рождало в душе тихий восторг. Тремейн надолго остановился перед «Портретом четы Арнольфини» Яна ван Эйка, чтобы в полной мере насладиться детальной проработкой отражения в висевшем за спиной супругов зеркале.

Картины Рембрандта восхитили Тремейна несравненным мастерством. Особенно глубокое впечатление на него произвело искусное использование темных тонов для создания глубокой тени и концентрации света в важнейшей точке композиции.

В дальнем конце одного из залов скромно притаился шедевр Рубенса «Портрет доктора». Не жалея времени, Тремейн во всех подробностях рассмотрел мудрого старика: обратил внимание на блеск глаз, на пышное жабо, оттенявшее лицо безупречной белизной, на высокий лоб – свидетельство обширного просвещенного ума и проницательности. Не спеша двинулся дальше, не пропустив полного жизни пурпурного великолепия картины «Агония в Гефсиманском саду» кисти великого Эль Греко, и направился в центр зала, где торжественно расположилось величественное произведение сэра Антониса Ван Дейка – портрет Карла Первого. Изучая образ облаченного в тяжелые доспехи, торжественно восседающего на мощном коне всадника, Тремейн задумался о постигшем монарха кровавом конце. Однако блестящий портрет ни единой чертой не предвещал грядущей катастрофы, и тень зловещего эшафота еще не нависла над гордой головой.

Мордекай Тремейн отступил на несколько шагов, чтобы оглядеть общий план, и в этот момент увидел миссис Картхэллоу.

Хелен сидела на одной из деревянных скамеек в центре зала. И сидела не одна. Трмейн прищурился, взгляделся и узнал цыгана, многозначительно смотревшего на нее на балу. Даже если бы его сентиментальная душа не спешила с романтическими выводами, все равно у него не возникло бы сомнений, что эти двое влюблены друг в друга. Пылкое чувство читалось в выражении лиц, сквозило в глазах, заставив забыть и о картинах, и о ходивших вокруг людях.

Хелен Картхэллоу была в сером костюме и белой блузке, с женственным воротом. На темных волосах особенно эффектно смотрелась серая меховая шляпка. В эту минуту ее одухотворенная красота обладала особой силой и привлекательностью. Казалось, молодая дама опустила защитный барьер, обычно отделявший ее от окружающего мира. Не составляло труда догадаться, что оказать подобное магическое воздействие способна только близость любимого человека.

Мордекай Трмейн не смог подавить горького разочарования. Его представление о святости брака отличалось старомодностью. Журнал «Романтические истории» далеко не всегда предлагал вниманию читателя безмятежное развитие сюжетов, но в то же время убежденно и недвусмысленно осуждал любовные треугольники. Таким образом, вера в нерушимость брачной клятвы служила краеугольным камнем мировоззрения почтенного джентльмена.

Мордекай Трмейн наблюдал за спутником Хелен. В благоговейной тишине музея тот казался не столь юным, как в суматохе бала. Сейчас ему можно было дать около тридцати. Отлично сложенный, широкоплечий, с крупными чертами лица и густыми волнистыми волосами мужчина смотрел на Хелен Картхэллоу таким взглядом, о котором мечтает каждая женщина.

Мордекаю Трмейну он сразу не понравился, и тот мысленно определил незнакомца в разряд бесчестных соблазнительей, способных увлечь избранницу и готовых бессовестно воспользоваться ее слабостью.

Неожиданная встреча лишила радости общения с искусством. Теперь Трмейн считал, будто подглядывает в замочную скважину. Он заметил, что рядом с портретом Карла Первого висит картина Веласкеса «Венера с зеркалом», и подумал об иронии, заключенной в наготу богини.

Судя по всему, Хелен Картхэллоу не подозревала о присутствии свидетеля, а потому Мордекай Трмейн поспешил скрыться за спинами других посетителей и, не привлекая внимания, вышел из зала, словно не увидел ничего, кроме картин.

Вспомнилась особая интонация Аниты Лейн в тот момент, когда та сказала, что порой лучше витать в облаках. Пришло на память и нежелание отвечать на прямой вопрос о том, что она имеет в виду. Разумеется, проницательная дама знала об этом романе.

Впервые за время знакомства он почувствовал жалость к Адриану Картхэллоу – чистую, не замутненную сомнениями и оговорками. До сих пор Трмейн не мог точно определить собственное отношение к художнику, не знал, что справедливее: умеренно симпатизировать или активно осуждать. Теперь же сочувствие обманутому мужу возвысило образ: Картхэллоу предстал страдальцем, заслужив безоговорочное прощение и отпущение всех грехов.

На Трафальгарскую площадь Трмейн вышел со странным чувством: только что рухнул один из столпов, поддерживавших стабильность мира. Ах, для чего он вообще отправился в Национальную галерею? Зачем увидел там Хелен Картхэллоу? Однако счастливое неведение не изменило бы главного факта, не уничтожило бы неприглядную правду.

С тех пор Мордекай Трмейн избегал встреч с Адрианом Картхэллоу. Сделать это было несложно: их миры пересекались в одной-единственной точке – в гостиной общей знакомой Аниты Лейн, – так что достаточно было не принимать приглашений, если существовала опасность присутствия на вечере художника.

Но новостей о нем было не избежать. Газеты по-прежнему следили за творчеством и личной жизнью известного художника. В престижной частной галерее открылась персональ-

ная выставка, которую Трмейн постарался пропустить, и известность мастера неуклонно возрастала.

Происходили и другие немаловажные события. Например, Джонатан Бойс много дней в трудных условиях добывал неопровержимые улики, позволявшие привлечь преступника к ответственности, и в результате заболел пневмонией. Его жизнь буквально висела на волоске. Мордекай Трмейн навестил приятеля в период кризиса и всерьез за него испугался. Однако крепкий организм победил недуг, и вскоре старший инспектор Скотленд-Ярда уверенно пошел на поправку.

Адриан Картхэллоу уехал в Корнуолл. Трмейн прочитал объявление в то самое утро, когда стало ясно, что Бойс не умрет, и вздохнул с облегчением. Теперь можно было разгуливать по городу, не опасаясь случайной встречи ни с Хелен, ни с ее супругом. Светская хроника оповещала, что художник намерен провести несколько месяцев в Фалпорте, где ему принадлежит особняк «Парадиз», удивительным образом нависающий над Атлантическим океаном и соединенный с сушей лишь узким железным мостом. Он собирался провести лето в плодотворном единении труда и отдыха.

Через три недели бледный, едва стоящий на ногах Джонатан Бойс сообщил, что комиссар уголовной полиции настаивает на продлении отпуска по болезни. Скотленд-Ярду не нужен качающийся от слабости старший инспектор.

– Хочу поехать в Корнуолл, – рассказал Бойс. – Старик клянется, что не допустит меня к службе, пока не представлю справку о полном и безоговорочном выздоровлении. Мордекай, не желаете составить мне компанию?

Трмейн пожал плечами:

– Не стану скрывать, что даже не думал о Корнуолле. Что у вас на уме, Джонатан?

– Честно говоря, – улыбнулся Бойс, – надеюсь извлечь из вашего присутствия немалую выгоду. Обычно я останавливаюсь в доме сестры и ее мужа, так что уже успел рассказать им о вас. Теперь оба мечтают увидеть великого сыщика собственными глазами. Вот я и подумал: почему бы вам не стать моей платой за визит?

Глаза Джонатана Бойса лукаво блеснули. Хорошо зная старшего инспектора, Мордекай Трмейн понял, что несмотря на циничную формулировку, приглашение сделано искренне.

– Что ж, неплохая идея, – решил он. – В каком районе графства Корнуолл живет ваша сестра?

– В Фалпорте.

Мордекай Трмейн поправил пенсне и, словно зачарованный, шепотом повторил:

– В Фалпорте...

Судьба изъявила свою окончательную волю и недвусмысленно указала, что линия его жизни неминуемо должна пересечься с жизненным путем Адриана Картхэллоу.

– Итак, Мордекай? – прервал его размышления Бойс. – Что скажете? Поедете со мной?

– Да, Джонатан, – ответил Трмейн. – Поеду.

Он понимал, что иной ответ невозможен.

Глава 7

Фалпорт оказался достаточно большим городом с торговым центром, несколькими театрами и кинотеатрами. В то же время этот курорт пока не пал жертвой типичных приморских излишеств в виде искусственных променадов, залов с игровыми автоматами и переполненных пляжей. Удаленность от основных железнодорожных магистралей затрудняла развитие и замедляла обновление города, однако не остановила естественного течения жизни. В результате Фалпорт сохранил свою первозданную прелесть. Длинная вереница небольших гостиниц и пансионатов тянулась вдоль скалистого побережья и спускалась к старинному жилому квар-

талу, приютившемуся возле живописной бухты, защищенной от ветров высоким, почти отвесным мысом. В дальнем конце Фалпорта домов было немного, и во всех жили люди, сумевшие по достоинству оценить суровую красоту величественного скалистого берега.

Кейт и Артур Тайнинги – сестра и зять Джонатана Бойса – жили в доме недалеко от моря, на окраине города. Едва увидев любовно ухоженный сад, зеленые ставни и залитую солнцем террасу, Мордекай Трмейн понял, что с удовольствием проведет здесь время.

Кейт Тайнинг являла собой смягченную версию брата. Очень похожая на него внешне, она ни в малейшей степени не разделяла суровости манер, выработанную старшим инспектором в ходе службы в Скотленд-Ярде. Артур Тайнинг – седой голубоглазый джентльмен – отличался спокойствием и немногословностью. Его загорелое обветренное лицо красноречиво демонстрировало упрямство корнуоллских ветров. Ранение во время первой из жестоких мировых войн сделало его хромым, однако не лишило чувства юмора.

Муж и жена встретили гостей с искренним радушием. О репутации Мордекай Трмейна не прозвучало ни слова, однако он ощутил некую настороженность в разговоре, словно хозяйка не знала, какая реакция последует, если упомянуть о его профессиональных контактах со старшим инспектором уголовной полиции. К счастью, Мордекай Трмейн сразу почувствовал, что находится среди друзей.

– Не то чтобы, – заметил он.

Артур Тайнинг вопросительно взглянул на него, но лукавый блеск голубых глаз подсказал, что хозяин понял, о чем речь. Трмейн улыбнулся.

– Не то чтобы Шерлок Холмс, – пояснил он. – Если Джонатан утверждает, что я способен заменить всех детективов Скотленд-Ярда, то это преувеличение. Разумеется, по мере сил я стараюсь походить на кумира. Ради атмосферы даже научился курить трубку. Но все это внешний антураж. На самом деле я совершенно безобиден.

Вскоре лед отчуждения окончательно растаял. После ужина все сидели на террасе и смотрели, как красное солнце медленно погружается в серебристо-стальное море. Артур Тайнинг пронзал пространство черенком трубки, демонстрируя главные достопримечательности побережья. Действительно, с террасы открывался прекрасный обзор, поскольку дом стоял на самом выигранном месте – на вершине пологого холма.

– Вон там расположен мыс Роузкасл, – Артур указал в направлении длинной каменной косы, образующей одну из сторон приютившей Фалпорт бухты. – Маяк бережет от подводных скал. Чуть дальше находится мыс Трекарн. Скалы там высотой в триста футов и круто обрываются в море, так что в пещеры можно попасть только по воде. Утверждают, будто в прежние времена здесь процветала запрещенная торговля, причем контрабандисты знали тайный вход в пещеры с суши, примерно в миле отсюда. Но даже если легенда правдива, то отверстие давно завалено, и сейчас на поверхности не осталось никаких следов. В наши дни пещеры не используются. Даже во время отлива скалы очень опасны, и все стараются держаться от них подальше. Если решите прогуляться в ту сторону, обязательно смотрите под ноги, берег не укреплен и может в любую минуту осыпаться. Этой зимой случилось несколько серьезных обвалов. К счастью, никто не пострадал, но неизвестно, когда произойдет новый камнепад.

Артур повернулся в шезлонге, его трубка описала дугу и замерла, указывая на противоположный берег.

– Вон там, на другом конце, расположен Сент-Моган. Надо сказать, в последнее время жизнь в рыбацкой деревушке заметно оживилась. На машине придется сделать круг в двадцать миль, потому что дорога углубляется на материк, однако при хорошей погоде можно отправиться на лодке по прямой и значительно сократить путь.

– Вы, случайно, не слышали об особняке «Парадиз»? – спросил Мордекай Трмейн, в очередной раз раскуривая трубку, которая гасла с надоедливым постоянством. – Он, кажется, где-то неподалеку.

Артур Тайнинг усмехнулся:

– Еще бы! «Парадиз» знают все. Это местная достопримечательность. Там живет Адриан Картхэллоу, известный художник. Вы наверняка слышали о нем.

– Да, – кивнул Мордекай.

– Не составит труда дойти до него пешком, – продолжил Тайнинг. – Расстояние не более мили. Спутать невозможно: дом построен на отколовшейся от материка скале, и попасть к нему можно только по подвесному железному мосту.

– Наверное, зимой там жутковато, – заметил Тремейн.

– Зимой в доме никто не живет. Как правило, Картхэллоу проводит здесь часть лета, а в остальное время – большую часть года – особняк пустует.

Наконец Мордекаю удалось вновь раскурить трубку. Он гордо откинулся на спинку шезлонга, картинно выпустил облако дыма и с видом знатока произнес:

– Дом, нависающий над волнами, должен обладать богатой историей.

– Да уж, о «Парадизе» ходит немало занятных легенд, – поддержал Тайнинг. – Поговаривают даже, что зимой там со всей округи собираются души, не нашедшие успокоения. Считается, что дом обречен, и рано или поздно трагедия постигнет каждого, кто осмелится там поселиться. Разумеется, все это не более чем пустые разговоры: просто тот, кто построил особняк, не обрел в нем счастья.

– Неужели?! – воскликнул Мордекай Тремейн.

Вдохновленный вниманием слушателя, Артур Тайнинг с готовностью поведал историю некоего миллионера, осмелившегося не просто воздвигнуть на скале причудливое строение, но еще и дерзко назвать его «Парадизом», то есть раем. Рассказ пробудил в душе Тремейна смутную тревогу. Он понимал, что виной тому своенравное воображение, однако полностью игнорировать дурное предчувствие не мог. А если трагическая пьеса «Парадиза» еще сыграна не до конца? Вдруг впереди еще одна история о насилии и несчастье? Тремейн представил темный холодный дом с плотно закрытыми ставнями, молчаливо и сурово нависающий над бурным морем – трудно найти более подходящие декорации для страшной сказки. Усилием воли он прогнал из сознания жуткий образ и задал следующий вопрос:

– Вы часто видите с Картхэллоу?

Артур Тайнинг покачал головой:

– Иногда случайно встречаю его, он ходит на скалы писать этюды. Однако этим общение ограничивается. Нет, он не держится высокомерно. Напротив, готов скоротать время в компании. Просто мы с Кейт небольшие любители того рассеянного образа жизни, который принято называть светским.

– А как местные жители относятся к соседству со знаменитым художником? – осторожно поинтересовался Мордекай Тремейн.

– Мы успели привыкнуть. Картхэллоу приезжает сюда уже несколько лет. Разумеется, все следят за развитием его карьеры и даже считают чем-то вроде местной достопримечательности.

Тонко настроенный, не пропускающий ни единой фальшивой ноты слух передал разуму предупреждающий сигнал. Мордекай Тремейн взглянул на собеседника с особым вниманием: не мелькнула ли на обветренном лице тень смущения? Однако он промолчал и попытался убедить себя, что ошибся. Разве ему довелось увидеть и услышать о супругах Картхэллоу нечто такое, что смогло бы разрушить образ счастливой семьи, наслаждающейся творческими успехами мужа? Возможно, следовало вспомнить лишь пару слов, произнесенных вскользь и наделенных преувеличенным значением; несколько беглых впечатлений, слишком ярко раскрашенных воображением; появление Хелен Картхэллоу в Национальной галерее в компании молодого цыгана, сверлившим ее взглядом на балу Содружества родственных искусств. Способны ли эти осколки создать рациональную основу для смутных подозрений?

С прошествием времени даже случай в галерее утратил первоначальную неприятную остроту. Мордекай Тремейн сознавал собственную слабость; понимал, что склонность к романтизму уже не раз направляла мысль по ложному следу. Вероятно, Хелен Картхэллоу случайно встретила знакомого и присела, чтобы перекинуться с ним парой слов. Все остальное дорисовало воображение.

И все же, несмотря на возникшие сомнения, ему не удалось избавиться от первого впечатления. Он не мог забыть взгляд Хелен Картхэллоу – сияющий взгляд влюбленной женщины.

Глава 8

На следующее утро Мордекай Тремейн и Джонатан Бойс отправились изучать Фалпорт. Надо сказать, что задача была несложной. Большая часть города располагалась вдоль дороги, на протяжении пары миль повторявшей линию берега, а потом круто уходявшей прочь от моря. Приятели закончили прогулку за чашкой кофе в одном из многочисленных кафе, часок посидели на белом песке главного пляжа и двинулись обратно, чтобы не опоздать к ленчу.

Фалпорт произвел на Мордекаю впечатление чрезвычайно милого курорта. Отдыхающих оказалось достаточно, чтобы создать на улицах приятное оживление, но в то же время не настолько много, чтобы утомить теснотой и очередями. Тремейн с удовольствием наблюдал за играющими на отмелях детьми и радовался, что принял приглашение Бойса. На время он даже забыл о Хелен Картхэллоу.

После ленча прогулка продолжилась. Приятели направились к мысу Трекарн – к той самой отвесной скале, о которой накануне рассказал Артур Тайнинг. Предупреждение об опасности непредсказуемых осыпей полностью оправдалось. Судя по всему, недавно в море упала огромная каменная глыба, и в одном месте от материка практически полностью отделился кусок скалы, уцелела лишь узкая тропинка.

День выдался тихим, и все же далеко внизу, среди острых камней, злобно бились и кипели волны. Из стальной, с синим отливом морской пучины накатывали мощные валы, с яростью бросались на скалы, разбивались и, поверженные, отступали белым пенным вихрем.

Увлеченный бешеным ритмом атаки на черную вершину, угрюмо вставшую на пути стихии, Тремейн принялся считать волны. С неумолимым постоянством иногда шестой, иногда девятый вал наступал агрессивнее предыдущих. Приближаясь к побережью, вода вставала длинным зеленым гребнем, мчалась вперед, налетала на отколовшийся утес, словно пытаясь вернуть его на прежнее место, и в то же мгновение с шипением рассыпалась. Вершина скалы скрывалась в белоснежном фонтане брызг, но вскоре, отразив обессилевший поток, появлялась непобежденной, чтобы противостоять следующему удару.

Бесконечная борьба камня и воды завораживала великолепием и жестокостью. Мордекай Тремейн машинально отступил от ненадежного края. Неудачный шаг мог привести на неукрепленный камень, служивший границей обрыва, и роковое падение стало бы неизбежным. Сколько же несчастных встретили здесь погибель в темноте зимней ночи, в зловещем завывании ветра!

Лишь талантливому художнику дано передать грозное величие природы, изобразив пейзаж маслом или акварелью. В этом Тремейн завидовал Адриану Картхэллоу. Странно, впрочем, что память подсказала именно это имя. Тремейн попытался проследить ход мысли, но не сумел.

На обратном пути Джонатан Бойс заметил:

– Не забывайте, Мордекай, что я все еще считаюсь больным, а потому должен во всем соблюдать меру. Так что не обращайтесь на мою лень и живите так, как считаете нужным. Полагаю, кое-какие планы у вас уже есть?

Инспектор смерил приятеля многозначительным взглядом.

– Возможно, – пожал плечами Тремейн.

– Вот только хотелось бы надеяться, – добавил Бойс, – что на сей раз вы не наткнетесь на труп.

Мордекай Тремейн вздрогнул:

– О, нет! Ради бога, только не убийство!

На следующее утро Тремейн отправился на прогулку в одиночестве, оставив старшего инспектора Скотленд-Ярда на террасе в приятном обществе трубки и книги. На сей раз его путь лежал в направлении, противоположном мысу Трекарн. Напрасно он пытался убедить себя, что спешит исследовать иную часть побережья. Истинная причина выбора заключалась в том, что маршрут вел напрямик к особняку «Парадиз». Как справедливо подчеркнул Артур Тайнинг, ошибиться было невозможно. С почтительного расстояния Мордекай Тремейн увидел каменный остров с возвышающимся на нем домом, а вскоре заметил знаменитый мост, служивший единственным путем на большую землю и обратно. Высокие деревья загораживали обзор, и все же картина оказалась неожиданной. Тремейн представлял мрачное строение, одиноко застывшее на пустынном холодном камне, а увидел приятный пейзаж с красивым особняком, расположенным в живописном окружении растений, оттенявших морскую синеву своей веселой зеленью. Не составляло труда понять, чем удивительное место пленило Адриана Картхэллоу. Как истинные произведения искусства, и пейзаж, и сам дом выглядели созданными художником для художника.

Остров оказался значительно обширнее, чем рисовало воображение. Тремейн представлял длинную скалу, отрезанную от материка в самом своем основании, где волны веками точили отвесный канал, пока окончательно не разорвали камень. Но эта скала отличалась удивительной плоскостью, так что сама природа словно повелела разбить тут пышный сад.

Мордекай Тремейн пришел по повторявшей очертания берега тропинке, а возвратиться решил, повернувшись к морю спиной, чтобы войти в город. Судя по карте, за Фалпортом, среди полей, пролегла пешеходная тропа. Очевидно, многим из отдыхающих приходила в голову мысль прогуляться сначала вдоль моря, а потом по живописной равнине.

Мордекай Тремейн миновал последние дома побережья, свернул в сторону города и неожиданно увидел впереди фигуру. Возле тропы, установив на траве этюдник, работал художник. То, что это не кто иной, как Адриан Картхэллоу, стало ясно прежде, чем тот услышал шаги и обернулся. Тремейн смутился. Последняя случайная встреча с Картхэллоу состоялась в Лондоне, в игорном клубе, когда тот не пожелал узнать его. Какой реакции ждать на сей раз? Увы, отступить было поздно.

Адриан Картхэллоу смерил прохожего долгим отсутствующим взглядом и вдруг, к радости Тремейна, широко улыбнулся.

– Вот это сюрприз! – воскликнул он. – Сыщик собственной персоной! Что привело вас в Фалпорт?

– У меня здесь живут друзья, – ответил Мордекай Тремейн и, покосившись на этюдник, быстро добавил: – Не буду мешать. Вижу, вы работаете.

– К сожалению, совсем не умею отдыхать. – Вздохнув, Картхэллоу начал убирать краски и складывать этюдник. – Уже собирался уходить. Честно говоря, услышав шаги, я подумал, что Хелен не дождалась и решила проверить, чем я здесь занимаюсь. Поэтому и обернулся. Если вы живете в этих краях, то просто обязаны навестить нас. Может, пойдете прямо сейчас, вместе со мной? Как раз успеем к ленчу.

– Боюсь, сейчас не получится.

– Что ж, тогда приходите вечером. Жду вас к ужину. – Казалось, Картхэллоу ни на секунду не усомнился, что его приглашение будет принято. – Около семи часов. Куда идти, вам наверняка уже известно. «Парадиз» – дом на скале. Вон там. – Он показал рукой, в которой держал этюдник. – Калитка на мосту всегда открыта.

Мордекай Тремейн вернул пенсне на законное место и попытался придумать благовидный предлог для отказа. Перспектива ужина в «Парадизе» означала неминуемую встречу с Хелен Картхэллоу, а потому вселяла испуг.

Однако убедительной причины так и не нашлось, и, прежде чем Мордекай Тремейн сумел взять ситуацию под контроль, Картхэллоу повесил этюдник на плечо, сунул под мышку коробку с красками и быстро зашагал в сторону моря. Не оставалось ничего другого, как продолжить путь.

Глава 9

Вернувшись домой, Мордекай Тремейн обнаружил, что Джонатан Бойс также возобновил давнее знакомство. Чарлз Пенросс прослышал, что коллега поправляет здоровье в этих местах, и зашел навестить его.

– Я уже рассказал о вас Чарлзу, – сказал Бойс. – Так что считайте, что вы официально знакомы.

– Как дилетант всегда испытываю восторг при встрече с профессионалом. Представляет ли Фалпорт интерес с точки зрения преступности, инспектор?

Пенросс улыбнулся. Для полицейского он выглядел маленьким и щуплым, однако острая реакция и заметная даже в минуты полного спокойствия энергия доказывали, что этот человек отлично знает свое дело.

– Если интересуетесь недавними убийствами, – произнес Пенросс, – то счастлив сообщить, что таковые отсутствуют. Фалпорт по праву считается одним из самых тихих и законопослушных английских городов. Осмелюсь утверждать, – добавил он застенчиво, – что причина заключается в возможности неплохо зарабатывать на отдыхающих, которых в сезон более чем достаточно!

Голос инспектора оказался низким, грубым и громким – как правило, подобные голоса свойственны массивным мужчинам с красным лицом и могучими плечами.

Пенросс был общительным человеком и занятым собеседником. Через час-другой Мордекай Тремейн уже считал его своим старым приятелем. Двадцать лет работы в полиции снабдили инспектора богатым арсеналом разнообразных историй и обширными познаниями в повседневной жизни округа. Несколько раз Тремейн испытывал настойчивое желание упомянуть имя Адриана Картхэллоу, однако успевал сдерживать порыв. Не хотелось оказаться перед необходимостью объяснять то, чему объяснений не существовало.

После ухода Пенросса он рассказал Бойсу о встрече с художником и о приглашении на ужин, причем постарался создать впечатление неуверенности, поскольку опасался, что гостеприимные хозяева решат, будто он пытается сбежать от них. Тайнинги сердечно успокоили гостя.

– Пожалуйста, почувствуйте себя свободно и поступайте так, как считаете нужным, – попросила Кейт. – К тому же, Адриан Картхэллоу – местная знаменитость. Только представьте, как мне будут завидовать в городе, узнав, что вы обедали в доме известного художника!

Вечером около семи часов Мордекай Тремейн сел в такси с тем чувством, что возникает у всякого, кто находится перед кабинетом стоматолога, ожидая приема. Он заранее сочинил небольшую приветственную речь в адрес Хелен Картхэллоу и надеялся, что сумеет не вызвать подозрений.

Мост вел через расщелину в скале. Как и предупредил Картхэллоу, калитка была открыта. Тремейн толкнул железную створку и ступил на мост. Продолжался отлив, и далеко внизу песок успел высохнуть на дневном солнце. Проступили края углублений, откуда медленно уходила вода. Чайки собирались вокруг этих луж или бесцельно бродили по пляжу. Ленивые волны сонно лизали песок и нехотя плескались у подножья скалы, на которой стоял

особняк. Мост вибрировал под ногами и казался отвратительно ненадежным, хотя рассудок убеждал, что впечатление ошибочно: из года в год конструкция с честью выдерживала испытание зимними штормами. Мордекай Тремейн поспешил как можно скорее миновать препятствие и тут же почувствовал, что покинул привычный уютный мир, где осталось такси, и вошел в неведомое зыбкое пространство. Иллюзия возникла из-за того, что мост покачивался при каждом шаге, будто грозил развалиться. В результате гость ступил на твердую землю с тревожно бьющимся сердцем и ощущением надвигающейся катастрофы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.